

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ОДИН СОН НА ДВОИХ
ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

Гремучий ручей

Татьяна Корсакова

Один сон на двоих

«Автор»

2023

Корсакова Т. В.

Один сон на двоих / Т. В. Корсакова — «Автор»,
2023 — (Гремучий ручей)

И вот ты прошел посвящение: поверил в упырей, Тёмного пса и даже собственную исключительность. Ты всё ещё не готов к бою, но тебе не оставили выбора. Тебе нужно спасти любимую, защитить друзей и не умереть при этом самому. И ты принимаешь вызов! Вот только с каждым разом все сложнее понять, кто друг, а кто враг. Нужно ли бояться тех, кто скрывается во тьме? Можно ли доверять тем, кто рядом?..

© Корсакова Т. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Корсакова

Один сон на двоих

Глава 1

– ...Нет в мире совершенства, – сказала Астра, а Мирон с какой-то странной тоской подумал, что вот он – образчик совершенства, новый виток эволюции, существо, отобравшее у человека желтую майку лидера, стоит прямо перед ним и иронично усмехается.

– Отрываю от ужина? – вежливо поинтересовался Мирон и крепко сжал осиновый кол.

Расклад нынче был такой, что ужином запросто мог стать он сам, но сдаваться без боя – не в правилах его рода. И убегать от опасности тоже. Такие вот дурацкие правила!

– Уже не отрываешь. – Астра стерла кровь с уголка рта. Наверное, сытость вызывала в ее черной душе некое благодушие, раз она перешла с официального «вы», на интимное «ты». Или у первородных тварей просто не принято церемониться с будущим ужином?

– И кто это был? – Мирон сделал осторожный шаг навстречу упырице. Безумие и отвага... Куда ж от них деваться?

– Тебе не нужно этого знать, Мирон. – Астра тоже сделала шаг ему навстречу. – И лучше выброси свое... – Она на мгновение задумалась, а потом продолжила: – Свое оружие. Поверь, оно не выглядит достаточно убедительным.

– Это с какой стороны посмотреть, – сказал Мирон, но вместо того, чтобы сделать еще один шаг вперед, шагнул в сторону.

Так они и кружили – маленькими приставными шагами, как два пса, примеряющиеся, как бы половчее вцепиться друг другу в глотки. Шансов вцепиться было куда больше у Астры – Мирон не испытывал по этому поводу никаких иллюзий. Но Астра почему-то медлила. Может быть, забавлялась, как забавляется с полудохлой мышью сытая кошка?

– Ах, mon cher, – сказала она и снова улыбнулась, – как же мне импонирует твоя горячность! Молодая кровь...

– Из ваших уст это весьма сомнительный комплимент. – Мирон едва не добавил «мадам», но вовремя одумался. Никакая она не мадам, а самое настоящее исчадие ада. Даже пострашнее Цербера с его пылающим взором. Кстати, поддержка Цербера ему бы сейчас не помешала. Хотя бы моральная.

– И чувство юмора. – Астра замерла и добавила с вполне искренней грустью в голосе: – Очень жаль, Мирон...

– Что вам жаль? – спросил он, шкурой чувствуя приближение развязки, и занес руку с зажатым в ней осиновым колом.

Наверное, слишком медленно занес, потому что Астра вдруг оказалась очень близко. Можно сказать, интимно близко. Длинные ногти – или все-таки когти? – вонзились в шею akurat над яремными венами. Одно движение – и он истечет кровью. Тут и к бабке не ходи.

– Жаль, что приходится вот так.

От Астры тонко пахло дорогими духами. Духами пахло, а кровью – нет. И не улыбалась она больше, а просто смотрела. Глазищи у нее были огромные. Один сплошной зрачок на всю радужку. И посмотреть, что же там – в глубине этих черных зрачков – хотелось просто невыносимо. Посмотреть хотелось, но Мирон сопротивлялся изо всех сил. Сил только на то и хватало, чтобы сопротивляться. Пальцы, сжимавшие осиновый кол, разжались сами собой. Вот и не осталось у него оружия. Если только кухонный нож...

– Не делай глупостей, mon cher. – Голос Астры был медово-ласковый, и когти, которыми она сжимала Миронову шею, почти не причиняли боль. – Давай покончим с этим быстро.

Ему не хотелось быстро. Не хотелось стать легким перекусом для первородной твари. Или хотелось? По крайней мере, животного страха Мирон точно не испытывал. Как и обуревавшей его до этого момента ярости. Гипноз! Астра пыталась его загипнотизировать!

В солнечном сплетении вспыхнуло и начало стремительно разгораться пламя. Оно не причиняло боли, оно отвлекало от страшного – от тьмы в зрачках Астры.

– Что же, совсем без прелюдий? – прохрипел он, нащаривая в кармане кухонный нож.

– К сожалению, мне некогда, *mon cher*, – Астра улыбнулась. Улыбка ее была самая обыкновенная, человеческая – никаких устрашающих клыков.

– Ну, как скажете. – Мирон тоже улыбнулся и всадил лезвие в живот Астры.

Она ахнула как-то совершенно по-женски, и в черном ее взгляде появилось обиженное удивление. Всего на мгновение Мирон испугался. Не за собственную жизнь, а за то, что вот прямо сейчас убил не первородную тварь, а обыкновенную женщину, взял грех на душу. А потом то ли ногти, то ли когти не слишком глубоко, но вполне ощутимо царапнули кожу на шее, и все сомнения враз развеялись. Следом за ними развеялся и туман в голове. Астра разжала пальцы, отпуская Мирона на волю. Вторую руку она прижимала к своему животу. На шелковой пижаме расплзлось черное пятно. Кровь просачивалась сквозь ткань, марала аристократически длинные пальцы Астры, капала на землю.

– Ну как же так? – спросила она одновременно с раздражением и болью в голосе.

– Ну вот как-то так... – Мирон отступил на шаг, подхватил с земли осиновый кол, готовясь к новому нападению.

Но нападать Астра не стала, сложившись пополам и по-прежнему прижимая руку к животу, она отступила на шаг и тут же растворилась в темноте. Несколько мгновений Мирон слышал едва различимый шорох листьев под ее ногами, а потом все стихло. Может, и не было никакого шороха. Может, это все его богатое воображение. И никуда тварь не делась – залиывает раны где-то поблизости, а потом нападет, вопьется клыками в горло уже без всяких прелюдий.

Почти минуту Мирон оставался на месте, вслушиваясь в каждый шорох, готовясь к неизбежному. Неизбежного не произошло – Астра не вернулась. То ли решила прикончить его в другой раз, то ли рана оказалась не слишком приятной. Мирон сомневался, что банальный кухонный нож мог причинить серьезный вред подобному существу, но надеялся, что дыра в животе все-таки доставит некоторый дискомфорт. И шелковую пижаму он ей точно испортил, а дамочек, пусть бы даже и упыриц, состояние одежды иногда заботит куда сильнее, чем состояние здоровья.

Все эти мысли носились в голове Мирона стайей растревоженных летучих мышей, царапали мозг острыми коготками, бестолково бились изнутри о черепную коробку. Голова раскалывалась от боли. Или не от боли, а от попытки противостоять вампирскому мороку?

В темноте вспыхнули два красных огонька, а через мгновение к Мирону вышел Цербер.

– Ты зачем бросил ее одну? – спросил Мирон одновременно строго и облегченно. Строго, потому что не исключал, что Астра рванет к Лере. А облегченно, потому что отбиваться от упырей в компании призрачного пса было веселее.

Цербер мигнул дважды. Это, очевидно, означало, что претензии Мирона не обоснованы и с Лерой все в порядке. По крайней мере, пока.

– Идем к ней! – Мирон хотел было сунуть осиновый кол за пояс, но передумал. Кто их знает, этих первородных тварей? Вдруг Астра передумает уползть с поля боя и вернется!

Собственно, брести рядом с Мироном Церберу не было никакой необходимости, в пространстве он перемещался весьма ловко. Но, наверное, выглядел Мирон сейчас не самым лучшим образом, поэтому призрачный пес решил поддержать товарища. Да и не брели они, а трусили резвой рысью. Мирон впереди, Цербер прикрывал тылы.

С Лерой все было в порядке. Мирон первым делом проверил все витальные функции и осмотрел ее шею на предмет укусов. Никто Леру не кусал, обошлось!

Он на цыпочках, чтобы не разбудить Семеновну, вышел из флигеля и уселся на лавочку. Цербер тут же материализовался напротив.

– Астра... – процедил Мирон сквозь стиснутые зубы. – Модная писательница, светская львица... Кто бы мог подумать, что она и есть наша тварь! Нежданчик, да?

Цербер ожидаемо не отозвался, даже глазом не моргнул: ни один раз, ни два, ни даже трижды.

– И ведь я ее не прибил, – продолжил Мирон с досадой. – Ни тогда, ни сейчас. Неубиваемая какая-то нам попалась гадина. Как думаешь, теперь, когда она знает, что я знаю, она свалит из Гремучего ручья?

Цербер склонил черепушку на бок. Красный огонь в пустых глазницах горел ровным пламенем.

– Что-то мне подсказывает, что не свалит. Похоже, у них тут что-то вроде родового вампирского гнезда. Этакая малая родина и место силы. Я только одного понять не могу, – Мирон снова посмотрел на Цербера: – Зачем им Лера?

Цербер наклонил черепушку в другую сторону, щелкнул зубами.

Мирон потерял виски. Голова по-прежнему раскалывалась, но, чтобы найти обезболивающее, нужно было оставить свой боевой пост, а пойти на это он никак не мог. По крайней мере, до рассвета. Зато можно позвонить Харону. Собственно, самое время звонить Харону. Ночь в разгаре.

Харон ответил на звонок почти мгновенно, наверное, держал мобильник поблизости.

– Что? – спросил он бодрым и ничуть не раздраженным голосом.

– Все, – сказал Мирон так же бодро. – Я ее нашел!

– Кого? – Голос Харона оставался ровным, почти равнодушным.

– Нашу первородную тварь. – Можно было выдержать драматическую паузу, но Мирон не стал – с Хароном такое не прокатывало. – Милочка была права: это женщина.

– Ты ее убил? – спросил Харон таким скучным тоном, что Мирону сделалось обидно.

– Я ее не убил, – сказал он после секундной паузы. – Она не такая, как наш дружок из оврагов.

– А какая она? – И вот, наконец, в голосе Харона проклюнулся интерес.

– Она?... – Мирон задумался. Первым на ум пришло очевидное: Астра была красивая. Но Мирон сказал другое: – Она умная, Харон. Умная и хитрая. Она, конечно, тварь, но не безмозглая тварь. Если ты понимаешь, о чем я.

– Я понимаю: она умная и хитрая, – повторил Харон задумчиво. – Мне сложно понять другое.

– Что именно? – Разговаривать с Хароном всегда было нелегко, а уж по телефону еще сложнее.

– Почему ты до сих пор жив?

– Я? – На мгновение Мирон растерялся. – В смысле, почему я до сих пор жив?! Может быть потому, что всадил ей в живот кухонный нож? Понимаю, что это не антикварная шпага, но все же. – Ему вдруг сделалось обидно, словно Харон его в чем-то упрекал.

– Я думаю, она не хочет тебя убивать, – сказал Харон после небольшой паузы. Обиды в голосе Мирона он ожидаемо не заметил. – Она нападала на тебя уже дважды...

– И дважды мне приходилось делать ей лапаротомию в походных условиях! – огрызнулся Мирон.

Наблюдавший за ним Цербер мигнул трижды, но это было не насмешливое, а одобрительное подмигивание. По крайней мере, Мирону хотелось так думать.

– Хоть ты меня понимаешь, – сказал он, прикрывая микрофон ладонью.

Цербер мигнул один раз и улегся у его ног.

– Если она первородная... – Харон запнулся, а потом сам себя поправил: – Если она особенная – из породы тех упырей, которые орудовали в лощине во время войны, то она очень сильная. Во всех смыслах: и физическом, и ментальном. Думаю, с ней не справился бы даже я.

– Даже ты? Ну разумеется!

Мирон усмехнулся и чуть было не погладил Цербера по черепушке. Руку он отдернул в последний момент. Все-таки физический контакт с призраком причинял определенный дискомфорт. Шрам на ладони уже предупреждающе пульсировал тупой болью.

– Я не хотел тебя обидеть. – А ведь и в самом деле не хотел. Нет у Харона такой опции. Специально он не обижает никого и никогда. Проблема в том, что и чувство такта – это тоже недоступная для него опция. Тут уж никуда не деться. – Я хотел сказать, что, если бы она хотела тебя убить, она бы тебя убила. Ты ей зачем-то нужен, Мирон.

– Она пыталась меня загипнотизировать, – сказал Мирон задумчиво. – Кажется, пыталась.

– А ты?

– А я не поддался. – Он снова потер виски. – Но голова теперь болит просто невыносимо. Прихвати аспирин, когда приедешь. Ты же приедешь?

– Я приеду.

Вот и положительная сторона личности Харона: он никогда не задает лишних вопросов. Ну, почти не задает...

– Зачем я тебе там нужен, Мирон?

– Нам надо что-то решать с Лерой. Считаю, что оставлять ее в усадьбе опасно. Как думаешь?

– Я буду через час, – вместо ответа сказал Харон.

– Не въезжай через центральный вход. Не стоит поднимать на уши всю усадьбу. Встретимся у потайной калитки. У тебя же есть с собой ключ?

– У меня есть с собой ключ, но это может быть опасно. Та женщина...

– Тварь первородная, – поправил его Мирон.

– Тварь первородная может быть еще где-то поблизости.

– Ты боишься за меня или за себя, Харон? – Все-таки не удержался Мирон от сарказма. Может, это стресс из него так выходил: вместе с колючими, как битое стекло, словами.

– Я не боюсь, я просчитываю варианты. – Сарказм Харона тоже не брал. Пора было бы уже привыкнуть. – Но, если ты в самом деле ее ранил...

– Я ее ранил!

– Если ты ее ранил, – терпеливо повторил Харон, – то ей определенно нужно какое-то время на регенерацию.

– Какое? – тут же поинтересовался Мирон.

– Думаю, это зависит от тяжести повреждений.

– Колотая рана передней брюшной стенки. Это как минимум. Была бы эта тварь живая, кровотечение и перитонит были бы ей обеспечены, а так только поахала.

– Ей было больно? – спросил Харон. В трубке слышались какие-то посторонние звуки. Кажется, разговаривал он уже на ходу.

– Мне показалось, что да.

– Она сразу удалилась?

– Удалилась? – Мирон усмехнулся. – Я бы сказал, уползла.

– Но убить тебя она все еще могла. – Харон не спрашивал, а утверждал.

Мирон вспомнил опасную остроту то ли ногтей, то ли когтей и потер кожу на шее.

– Теоретически, могла. Ей бы хватило на это всего нескольких секунд.

– Но не убила. Ты ей нужен, Мирон.

– Зачем?

– Я пока не знаю. Подумаю над этим в дороге. Жди.

В трубке слышались гудки отбоя. Мирон сунул мобильник в карман.

Глава 2

К тому моменту, как Харон вошел в потайную калитку, новый день уже почти вступил в свои права. Дикая часть парка погрузилась в предрассветный туман, который пронизывали первые лучи восходящего солнца. Мирон пошел встречать Харона один. Цербер остался сторожить Леру. Что ни говори, даже в своей призрачной ипостаси он оставался опасным противником, если уж ему удалось остановить Астру в прошлый раз. Может быть, между упырями и призраками есть какая-то особенная связь? Ведь и те, и другие не принадлежат миру живых. Надо будет как-нибудь на досуге проверить свое предположение, попытаться расспросить Цербера о его взаимоотношениях с вампирами. А пока Мирон стоял, привалившись спиной к старому вязу и легкомысленно поигрывая осиновым колом. Позицию такую он выбрал неслучайно, необхватный ствол дерева надежно защищал его с тыла. Думать о том, что упыри могут лазать по деревьям, аки кошки, он себе запретил. Хватит с него на сегодня стрессов.

Калитка открылась бесшумно, впуская на территорию усадьбы чужака. Харон двигался с той самой звериной грацией, которой с детства завидовали все в спортклубе. Настоящий ниндзя, только долговязый и одетый в строгий костюм.

– Доброе утро! – Вежливо поздоровался он и протянул Мирону руку.

– Да уж, бывало и подороже. – Мирон переложил кол из правой руки в левую, ответил на крепкое рукопожатие.

– Твой четвероногий друг?.. – Харон сощурился, сканируя пространство в поисках Цербера.

– Остался сторожить Леру. У него это очень хорошо получается, знаешь ли.

– Сторожить?

– Сторожить Леру.

– Тебе не кажется это странным? – Харон аккуратно запер за собой калитку.

– Что призрак дохлой собаки сторожит коматозную девчонку? Мне в происходящем кажется странным вообще все! Меня к такому не готовили, знаешь ли.

– Почему именно ее? – Харон продолжал сканировать пространство внимательным взглядом, но высматривал он теперь не Цербера, а упырей. – Она должна была умереть, но от нее отказались.

– Кто отказался? – спросил Мирон, помимо воли понижая голос до шепота.

– Смерть. От нее отказалась смерть. Постояла рядом и ушла. А вместо себя прислала мертвого пса.

– Как поэтично, – все так же шепотом сказал Мирон.

Он уже давно привык к странностям Харона. Да и кто нынче без странностей? Вот сам он, к примеру, шляется по чужим снам, призраков видит, вампирам противостоит. У него такие таланты, что всякие там супергерои Марвелы нервно курят в сторонке.

– У меня есть одно соображение. – Харон его не слышал, Харон думал о своем. – А что, если на том рисунке и в самом деле он?

– Он – это кто? Цербер, гроза подземного царства?

– Он – это Темный пес рода Бартане. Ты же читал геральдическую книгу, которая хранится в музее?

– Ну, читал – это громко сказано. – Мирон пожал плечами. – Просматривал картинки.

– Я тоже просматривал. Однажды.

– И Ба тебе позволила?

Мирон даже замедлил шаг от удивления. Ба и Харон никогда не вступали в открытую конфронтацию, но было очевидно, что они друг другу, мягко говоря, не симпатизируют. Ба считала

Харона странным и непредсказуемым типом. А Харон никогда не объяснял причины своих симпатий и антипатий. Этих двоих связывал лишь Мирон. Этого им было достаточно.

Харон помотал лысой головой.

– Она была в отпуске.

Мирон понимающе кивнул.

– Значит, подкупил кого-то из зрителей.

– В кабинет меня пустили. – В голосе Харона вдруг послышалась досада.

– И чем ты не доволен?

– Я хотел попасть в хранилище.

– Ключ от хранилища есть только у Ба и ее зама.

– Зам оказался неподкупен. Я предлагал ему бесплатное погребение. Он отказался.

– Да ты что? Не может такого быть! Чего это мужик, которому едва исполнилось пятьдесят, отказался от такого заманчивого предложения?!

– И гроб любой модели на выбор.

– Не повелся?!

– Нет.

– Дурак! Он просто не знал, что некоторые из твоих гробов стоят, как хороший автомобиль. Мог бы перепродать.

– Не кошунствуй, – сказал Харон, не глядя в его сторону.

– А зачем тебе в хранилище? – тут же спросил Мирон.

– Я интересуюсь историей этих мест.

– Ну?

– А все самое интересное обычно хранят вдали от любопытных глаз.

– Мог бы просто попросить.

– Кого?! – Харон посмотрел на него с таким искренним недоумением, что Мирон не удержался от улыбки.

– Да, с Ба тебе было бы сложно договориться, согласен. Но на самом деле там нет ничего особенного, кроме... – Мирон осекся.

– Кроме чего? – спросил Харон, не просто замедляя шаг, а заступая Мирону дорогу. Теперь он нависал над ним, смотрел сверху вниз пристально и требовательно. – Что показалось тебе интересным? Скажи!

А ведь и в самом деле в хранилище было кое-что интересное! Кое-что, что Ба предпочитала запирать в сейфе, а не держать на виду. Не музейная ценность, но семейная реликвия, отданная Ба на хранение хрен знает кем, хрен знает когда.

– Что ты там видел?

Харон тронул его за плечо. Небывалое дело. Харон всегда и везде старался избегать лишних физических контактов с живыми объектами. Мертвые не в счет – со смертью у него имелся какой-то загадочный договор.

– Ошейник. В сейфе у Ба хранится серебряный ошейник!

– Точно серебряный? Ты уверен? – Кажется, никогда раньше Мирон не видел товарища в таком возбуждении.

– Ну, отличить серебро от нержавейки я худо-бедно могу. – Мирон потер шрам. Харон проследил за его жестом, нахмурился. – Здоровенный ошейник, который перешибет хребет любой собаке. Еще и колючий зараза... – Мирон снова потер шрам. – Я об него порезался и... – Он так и замер с открытым ртом.

– Ты порезался о серебряный ошейник и что? – Теперь Харон едва не тряс его за плечи. Вот это было уже не удивительно, а дико.

– И отключился. А когда пришел в себя, увидел его.

– Кого?

– Цербера. – Все остальное Мирон додумал сам, без тряски за плечи и навоящих вопросов. – Он появился после того, как я взял в руки ошейник.

– После того, как ты порезался об ошейник, – терпеливо поправил его Харон.

– Типа, кровавая жертва, да?

Харон кивнул.

– И этот ошейник не потянула бы на себе ни одна живая собачка. Живая не потянула бы, а мертвая и крепенькая, как годовалый бычок, запросто. Ладно, похоже, это и в самом деле ошейник Цербера. Не того, мифического, а нашего. И знаешь что? Я видел Цербера в своих снах глазами того уродца, который пытался убить Леру.

– Где ты его видел?

– На заброшенной дороге. На обочине возле... – Мирон замолчал. – Возле того места, где она лежала.

– Правильнее сказать, возле того места, где пролилась ее кровь. Сначала он почуял ее, потом ты пришел в хранилище, взял в руки ошейник, поцарапался.

– И меня он тоже почуял. Какой-то слишком чуткий призрак получается. Тебе не кажется? Почему мы? Нет, почему я? Я обычный. Верх моих притязаний – это должность заведующим в заштатной больничке. Почему я?

– Она его нарисовала. – Харон словно бы и не слышал его вопросов. – Или где-то нашла рисунок.

– Цербера?

– На рисунке был не Цербер, а Темный пес. Вспомни герб, Мирон. Вспомни ошейник.

– Что-то не вяжется. – Мирон покачал головой. – На гербе собачка о трех головах, а у Цербера всего одна, да и та – черепушка.

– Но ты почему-то назвал его Цербером, трехголовым...

– Так получилось. Сработали какие-то ассоциации, наверное. Перечитал бабушкиных геральдических книг. Каким боком наш песик к тому, что на гербе?

– Это он. – Сказал Харон твердо. – Теперь я уверен, что это именно он и есть!

– Темный пес рода Бартане?

Харон молча кивнул.

– Тогда простой вопрос. Можно? Куда подевались еще две головы?! Да и на рисунке он какой-то дефективный получается.

– Не знаю. – Харон в задумчивости потер лоб. – Но не бывает таких совпадений, согласись?

За разговорами они не заметили, как вышли к утопающему в тумане флигелю. Зато заметили пару красных огней. По крайней мере, Мирон заметил, а Харон что-то почувствовал.

– Он здесь? – спросил, замедляя шаг.

– Собственной персоной. Стоит, семафорит красным глазом.

Мирон подмигнул Церберу, тот трижды мигнул в ответ.

– Хорошо. – По лишенному эмоций лицу Харона прошла легкая рябь – верный признак острой заинтересованности. – Мы можем все выяснить у него самого.

– Что выяснить?

– Кто он на самом деле. – Харон смотрел на Мирона как на неразумное дитя. Будь его воля, будь у него возможность вот так запросто общаться с порождениями иного мира, он бы уже давно все выяснил, а Мирон вот тормозит.

– Разумно. – Сказал Мирон и сделал шаг навстречу призрачному псу. – Слышишь, Цербер, разговор есть. Можно у тебя кое-что спросить?

Цербер утвердительно мигнул, с явным энтузиазмом щелкнул челюстями. Похоже, он, как и Харон, считал, что Мирон тормоз.

– Что? – спросил Харон, всматриваясь в туман.

– Он готов к интервью.

– Тогда спрашивай!

– Спрашиваю. – Мирон хотел было присесть перед Цербером на корточки, как перед живой собакой, а потом подумал, что выглядеть это будет по-идиотски и просто подошел поближе. – У нас тут возникли кое-какие предположения на твой счет...

Харон многозначительно засопел. Цербер мигнул утвердительно, мол, давай уже спрашивай, тормоз!

– Ты имеешь какое-то отношение к роду Бартане?

Цербер мигнул один раз и даже кивнул черепушкой.

– Какое?

Цербер мигнул трижды, а Харон застонал.

– Понял. Уточняю, ты Темный пес?

Цербер мигнул утвердительно.

– Это он. – Мирон искоса глянул на Харона, тот удовлетворенно кивнул.

– И на родовом гербе Бартане тоже твой портер?

Мирон снова посмотрел на Цербера, тот мигнул один раз.

– А почему у тебя там три головы?

Это был вопрос, который предполагал развернутый ответ. Наверное, поэтому Цербер мигнул трижды. Мирон взъерошил чуть влажные от тумана волосы, подумал немного и снова спросил:

– Раньше у тебя было три головы, так?

Цербер не стал мигать, просто кивнул.

– А потом две головы того... – Мирон задумался, подбирая правильные слова. – Отрубили, что ли? Как Змею Горынычу?

Цербер снова кивнул. В его пустых глазницах радостно заплясали красные огоньки, а длинный хвост дернулся из стороны в сторону, словно он был самой обыкновенной собакой.

– Порубили головушки-то. – Мирон посмотрел на Харона. Тот прискорбно покивал в ответ.

– А новые отрастить можешь? Ну, теоретически?

Цербер долго не отвечал, наверное, размышлял над вопросом, а потом мигнул один раз.

– Класс! – Мирон и в самом деле обрадовался. – Слышишь, Харон, головушки могут отрасти заново!

– Это очень хорошо, – сказал Харон вежливо.

– А что для этого нужно? – Мирон снова перевел взгляд на Цербера.

Цербер вопрос проигнорировал.

– Уточняю: есть какой-то способ вернуть тебе прежние формы?

Цербер мигнул утвердительно и даже несколько раз энергично кивнул.

– Способ есть, – перевел Мирон для Харона. – Вот только как понять, что это за способ?

– Спроси его... – Харон мотнул головой, – Нет, я сам. – Он смотрел в ту сторону, где стоял Цербер. – Этот способ как-то связан с ошейником?

Цербер не просто ответил, Цербер подошел к Харону и ткнулся башкой ему в бок. Харон пошатнулся, сделал глубокий вдох, с изумлением посмотрел на Мирона, спросил восторженным шепотом:

– Он меня сейчас коснулся?

– Он тебя сейчас боднул. Как самочувствие?

– Хорошо. – Харон выглядел почти счастливым.

– Хорошо? Обычно от его прикосновений как раз делается нехорошо. – Мирон поскреб начавший зудеть шрам.

– Все нормально. Ощущения, конечно, странные. – Харон вытянул вперед руку, ладонью вниз, и Цербер поднырнул черепушкой под протянутую ладонь. – Вот опять. Я же прав?

Мирон кивнул, сказал с легкой завистью:

– У вас с ним, похоже, полное взаимопонимание.

Цербер вынырнул из-под ладони Харона, трижды мигнул, но не зло, а задиристо.

Харон растерянно посмотрел на свою руку, а потом спросил:

– Валерия как-то связана с тобой?

Цербер ткнул его башкой в бедро один раз. Похоже, у этих двоих только что выработался свой собственный способ коммуникации.

– Это означает «да», – пояснил Мирон. – Если дотронется дважды, это будет означать «нет». Если толкнет трижды, это «сам дурак».

– Думаю, мы остановимся на двух первых вариантах, – сказал Харон очень серьезным тоном.

– Ох, не зарекайся. – Мирон покачал головой, а потом спросил: – Цербер, Лера твоя хозяйка?

Цербер мигнул утвердительно. Собственно, ничего неожиданного, но все равно очень интересно.

– Значит, она из рода Бартане?

Цербер кивнул.

– Выходит, дворянских кровей наша Лера, – сказал Мирон задумчиво и тут же спросил: – Может я тоже из каких-нибудь венгерских князей?

Цербер мигнул трижды, а Харон саркастически усмехнулся, словно понял, каким был ответ.

– Ясно, куда уж нам!

Мирон не обиделся, он обдумывал следующий вопрос. Цербер и Харон терпеливо ждали.

– Ей можно как-то помочь? – спросил он.

Цербер мигнул утвердительно, и дышать вдруг сразу стало легко. Мирон и не думал, что до этого было тяжело, что грудь придавливала невидимая, но увесистая плита.

– Можно вывести ее из комы?

Цербер мигнул, но уже после неуверенной, полной раздумий паузы.

– А... как? – Мирон знал, что вопрос дурацкий, что призренный пес не сумеет на него ответить, но не знал, как сформулировать то, что волновало его сейчас больше всего.

Цербер ничего не ответил, даже не мигнул. Он улегся на дорожке, положил черепушку на передние лапы. А может, просто он и сам не знал, как это сделать.

– Хорошо, – Мирон вздохнул. – Тогда другой вопрос. Ты ведь знаешь о существовании вампиров?

Вместо ответа Цербер выразительно клацнул челюстями.

– Они могут тебя видеть?

Утвердительное мигание в ответ.

– Ты можешь причинить им вред?

Ответом ему стала сначала одна красная вспышка, потом почти сразу же еще две.

– Это ни да, ни нет? То есть, навредить можешь, но не сильно?

Цербер кивнул.

– Потому что ты призрак?

Еще один кивок.

– А если бы ты был в полной комплектации, смог бы?

Цербер снова кивнул, нервно дернул хвостом.

– Но для этого тебе нужен ошейник?

Еще один кивок в ответ.

- Ему нужен ошейник. – Мирон посмотрел на Харона.
- Ошейник в хранилище, – сказал тот.
- Я достану!

На самом деле, прикоснуться к серебряному ошейнику совсем не хотелось, но если это нужно для дела, то деваться некуда. И Ба ошейник просто так не отдаст, учинит допрос с пристрастием. А что он ей может сказать? Знаешь, Ба, я тут познакомился с милым призраком дохлой собачки, и ему очень нужен его ошейник? Ба – женщина прогрессивная, но не до такой же степени! Значит, придется действовать без спроса. Нехорошо, конечно, но что делать? И с Лерой нужно что-то решать...

- Леру нужно забирать из этого заповедника, – сказал он вслух.

– Это не так просто сделать. – Харон покачал головой. – Я приложил столько усилий, чтобы она оказалась здесь, что могут возникнуть вопросы. Опять же, юридические моменты... Мы не являемся ни ее законными представителями, ни ее опекунами. Перевод осуществлялся с ведома и с посредничеством администрации больницы.

- То есть, ты хочешь сказать, что мы не сможем забрать ее обратно?

- Обратно – это куда? В больницу?

– В больницу ее не пустит Горовой. Это тот еще упырь, уж прости за сравнение. В лучшем случае, переправит ее в Веселовку. А Веселовка – это филиал ада на земле, если ты не знал.

- В больнице тоже небезопасно. – Харон думал о чем-то своем, отвечал механически.

– А здесь? – спросил Мирон с досадой. – Здесь, между прочим, шастает первородная тварь Астра. Кто помешает ей перегрызть Лере горло в перерывах между СПА-процедурами и массажем?

Лежавший на земле Цербер вдруг поднялся на лапы, встал перед Мироном. Красное пламя в его глазницах полыхало решительно и ярко.

- Что? – спросил Мирон. – Ты можешь ее защитить?

Пламя угасло, а потом вспыхнуло одиночной вспышкой.

- Уверен?

Еще одна вспышка.

- И Астра не сможет ей навредить?

Цербер кивнул.

– Он говорит, что может обеспечить Лере надежную защиту, – перевел Мирон для Харона.

– Он уже делал это раньше. – Голос Харона звучал ровно, но в словах его Мирону почудилась тень едва ли не благоговения. Цербер согласно мигнул. – Астра была здесь все эти дни, но не смогла навредить твоей... подруге.

Цербер снова согласно кивнул, а потом для надежности еще и боднул Харона в бок.

– Видишь, он подтверждает мои слова. – Тонких губ Харона коснулась едва заметная улыбка. – Он охраняет женщин рода на протяжении многих веков.

– Как минимум одна из этих женщин плохо кончила, – сказал Мирон мрачно. – Ты же у нас силен в истории. Помнишь, что стало с первой хозяйкой этой чудесной усадьбы? Вот именно! Ее убили!

Цербер, до этого спокойно стоявший между ним и Хароном, вдруг ощерился. Шкура на его загривке пошла волной и оцетинилась черными иглами, а в глазницах полыхнуло самое настоящее адское пламя. Что это было: злость или горечь? Мирону подумалось, что и то, и другое сразу.

– Прости, – сказал он примирительно и даже протянул вперед руку, мысленно готовясь к легкому разряду тока. Или не легкому, если судить по состоянию Цербера. – Я не хотел делать тебе больно. Прости, дружище!

Черные иглы сложились вдоль хребта, длинных хвост еще несколько раз нервно дернулся и обвился вокруг задних лап Цербера, адское пламя не угасло, но сделалось чуть тише. А потом Цербер мигнул, принимая извинения.

– Тогда ты спас кого-то другого. – Харон смотрел в ту сторону, где стоял призракный пес. – Это был ребенок. Девочка, да? Если бы не было девочки, не было сейчас всего этого. – Он махнул тростью, рассекая клочья тумана. – Твоя прежняя хозяйка пожертвовала своей жизнью ради спасения своего ребенка. Я ведь прав?

Цербер медленно подошел к Харону, встал на задние лапы, а передние положил ему на плечи. Харон улыбнулся.

– Я прав. И ты сделаешь все, чтобы защитить Леру.

Цербер опустил на задние лапы и просто боднул Харона в грудь.

– Переформулирую вопрос, – сказал Мирон с мрачной решимостью. – Я знаю, что ты сделаешь все, чтобы ее защитить. Скажи, ты *сможешь* защитить ее от Астры?

Он ожидал очередной вспышки гнева, но Цербер просто однократно мигнул в ответ. И кто он вообще такой, чтобы сомневаться в возможностях мифической твари, которая, наверное, и создана-то была исключительно для защиты девочек Бартане? Проблема лишь в том, что одна из этих девочек Мирону небезразлична настолько, что он готов сомневаться и задавать неудобные вопросы.

– Он защищал их веками, – сказал Харон тихо, но весьма убедительно. – Он знает, что делает. Ты должен ему довериться, Мирон.

– Да, вот только комплектация у него тогда была покруче, – проворчал он в ответ и тут же добавил, обращаясь уже к Церберу: – Прости, старик, говорю, как есть.

Цербер мигнул трижды, и от сердца окончательно отлегло. Отношения выяснены, призракная зверюшка не держит на него обиды.

– Нам нужен ошейник, – резюмировал Харон. – Попробуем улучшить комплектацию нашего призракного друга.

Цербер трижды ткнул его лапой в плечо. Харон удивленно и, кажется, чуть обиженно глянул на Мирона. Тот пожал плечами и не без злорадства улыбнулся.

Глава 3

Утро началось с громкого птичьего ора. Это на старой вишне орудовала банда воробьев. Раньше Милу бесили эти птичьи разборки. Она даже подумывала спилить вишню к чертовой матери, но к завтраку обычно успокаивалась, прощала и воробынью банду, и ни в чем не повинную вишню. Так было раньше, до того, как она познакомилась с Хароном, до того, как влезла в эту странную, страшную и одновременно увлекательную историю с вампирами. С тех пор жизнь ее засияла новыми красками, наполнилась новыми смыслами, и воробыный ор совершенно перестал ее раздражать. Наоборот, было что-то по-домашнему уютное в этой утренней побудке, что-то правильное и естественное. Для полного счастья Миле не хватало только одного. Не открывая глаз, она потянулась, провела ладонью по простыне рядом с собой. Ей не хватало Харона. Она понятия не имела, как у них все будет, но ни секунды не сомневалась, что все будет, нужно только немного подождать. Харон не тот мужчина, которого можно взять нахрапом. Да и не хотелось ей нахрапом. Если уж на то пошло, ей бы хотелось, чтобы брали и добивались ее, чтобы Харон брал и добивался. Остальные мужики ее больше не интересовали. Такие дела.

Мила открыла глаза и села. Окно спальни было распахнуто, и один из воробьев, самый нахальный и самый смелый, скакал по подоконнику.

– Кыш!

Мила махнула рукой, прогоняя самозванца, а потом подумала, что, наверное, не стоит оставлять окна на ночь открытыми. Харон бы не одобрил. Следом она подумала, что Харон мог бы озаботиться ее безопасностью и, например, забрать к себе. Наверное, он бы так и сделал, если бы она хотя бы намеком дала понять, что ей страшно. Но, во-первых, ей не было страшно. А во-вторых, он должен принять решение сам, безо всяких там намеков.

Часы на прикроватной тумбочке показывали половину восьмого утра. Половина восьмого утра чудесного выходного дня! И это значит, что на работу ей сегодня не надо и можно посвятить день исключительно себе. Мила посмотрела на лежащий рядом с часами сертификат. Этот день она проведет с пользой и с удовольствием в райском уголке на дне Гремучей лощины. Не пропадать же добру! Тем более, вчера она проявила предусмотрительность и записалась на процедуры. Времени у нее достаточно, чтобы неспешно позавтракать, выкурить сигарету, а потом не спеша собраться и рвануть навстречу красоте и молодости.

Усадьба встретила ее закрытыми воротами. Впрочем, ничего неожиданного. Строгие правила и информационный детокс. Мила помахала сертификатом перед носом одного из охранников, но тот оказался на удивление дотошным: ловко выхватил сертификат из ее рук, принялся его изучать.

– Интересуетесь СПА-процедурами? – не без ехидства поинтересовалась она. – Могу поделиться.

Охранник бросил на нее до обидного равнодушный взгляд и вернул сертификат.

– Добро пожаловать в Гремучий ручей, рай на земле, – сказал он механическим голосом и нажал на кнопку пульта, открывающего ворота.

– Не особо ты похож на апостола Петра, – проворчала Мила, заводя мотор.

Охранник, похоже, аллюзию не просек, так и остался стоять с каменным лицом.

Раздражение длилось недолго. Стоило только оказаться на территории усадьбы, как Милу охватило радостное возбуждение. Какими бы сложными и непредвиденными не были жизненные обстоятельства, радовать и баловать себя – прямая обязанность всякой нормальной женщины. А она очень обязательный человек!

Первым делом Мила заглянула во флигель, в котором пока еще не жила, а всего лишь существовала девочка Лера. За девочкой Лерой присматривала добродушная медсестра, пред-

ставившаяся по-простому Семеновной. Мила тоже решила отринуть условности и наплевать на субординацию, поэтому милостиво сказала:

– Можете называть меня Людмилой. – И тут же спросила: – Ну, как наша пациентка?

Семеновна, воспринявшая светский вопрос слишком буквально, принялась прилежно перечислять все процедуры и все обследования, которые проходит девочка Лера. Терпеливо выслушивая отчет медсестры, Мила подошла к кровати, осторожно погладила Леру по голове. За то время, что они не виделись, девочка изменилась. Теперь она больше не выглядела изможденной и готовой в любой момент отдать богу душу, на скулах ее обозначился легкий румянец, а волосы отросли до вполне стильного и креативного «ежика». Девочка была самой обычной, но, как ни крути, что-то необычное в ней имелось. Во-первых, потому, что кому-то срочно потребовалось ее убить, а во-вторых, потому, что ею заинтересовался Харон. У Милы не было иллюзий по поводу причин его интереса. Очевидно, что девочка Лера была не в его вкусе. Она скорее подходила Миرونу, который по молодости и простодушию еще не утратил надежду спасти мир и всех, кто подвернется ему под руку. Вот подвернулась девочка Лера – весьма симпатичная и даже загадочная. А чем она зацепила Харона? Уж ни этой ли своей загадочностью? Или Харон на самом деле такой же добрый, как и его бестолковый дружок, просто очень удачно маскируется под мизантропа? Ответов у Милы пока не было, а забивать голову философскими вопросами перед СПА-процедурами она не любила.

– Ну, давай уже выздоравливай! – Она в последний раз провела ладонью по Лериной голове, кивнула Семеновне и вышла из флигеля.

На ресепшене ее встретила юная нимфа в стильном медицинском костюмчике. Выглядела и улыбалась нимфа так, словно ждала исключительно Милу. Она заглянула в протянутый сертификат, сверилась с записью в лежащем на стойке блокноте и сказала медовым голосом:

– Людмила, добро пожаловать в рай!

И таки не соврала! Рай начинался сразу за дверью из матового стекла, где Мила облачилась в белоснежный банный халат и сунула уставшие от постоянного балансирования на каблуках ноги в удобные пушистые тапки.

Дальше было всякое! От весьма приятного до ощутимо болезненного, но неизбежно эффективного, если не прямо сейчас, то через недельку. Мила готова была наслаждаться приятным и мужественно переносить болезненное, потому что с детства выучила аксиому про требующую жертв красоту. К тому же, переносить тяготы иногда похожих на пытку процедур помогало осознание стоимости этих самых процедур и того факта, что ей они достались совершенно бесплатно, за красивые глаза.

И тем приятнее был финал всего мероприятия, когда Мила с чувством глубокого удовлетворения и выполненного долга упала в расположенный под широким тентом шезлонг с сигаретой в одной руке и стаканом какого-то суперполезного смузи в другой. Смузи оказался отвратительным на вкус, но она выпила его залпом. Не пропадать же витаминам! Лицо чуть пощипывало от процедур, расслабившийся организм норовил уснуть. Мила с блаженной улыбкой прикрыла глаза, отдаваясь на волю накатывающим дремотным волнам.

Уплыть далеко не получилось...

– Новенькая? – послышался рядом тихий голос.

– Уже не особо новенькая, – сказала Мила, не открывая глаз, – с пробегом.

– Гостям курить на территории центра категорически запрещено. – Голос сделался еще тише, плавно переходя в заговорщицкий шепот.

– Так я уже отгостилась, имею право.

Все-таки Мила открыла глаза, чтобы посмотреть, что за моралистка такая не дает ей сполна насладиться этим чудесным днем в раю.

Дамочка лежала на соседнем шезлонге. И когда только успела подкрасться?! На ней был точно такой же банный халат, как и на самой Миле. Лохматые тапки небрежно валялись

под шезлонгом. В руке дамочка держала стакан с чем-то красным и густым. Наверное, с каким-то особенным видом смузи. У Милы он был из зеленолиственных, а у этой мадамы, видать, из краснолиственных. Или вообще из какой-нибудь свеклы! Выглядела дамочка прекрасно! Обзавидоваться, как хорошо она выглядела. Тонкокостная блондинка с породистым, лишенным даже намека на возраст лицом и кожей, пожалуй, слишком бледной, но идеально гладкой.

– Тоже жертва СПА-процедур? – спросила Мила с вежливой улыбкой, за которой старательно прятала легкую зависть.

– Ну почему же жертва? – усмехнулась дамочка, обнажая белоснежные, идеально ровные зубы, а Мила тут же подумала, что ей самой давно стоило посетить стоматолога, зуб мудрости иногда поднывал и намекал на собственное несовершенство. – Я предпочитаю считать себя активным участником процесса, а не жертвой. Кстати, я Астра.

Она приветливо взмахнула рукой. На удивление, ногти ее были прекрасной миндалевидной формы, но безо всякого маникюра.

– Я Мила! – Язык не повернулся представляться официально, по имени и отчеству. Отчего-то подумалось, что в тех краях, из которых явилась эта... Астра, отчествами вообще не пользуются.

Чтобы хоть как-то загасить нарастающее раздражение от собственного внезапного несовершенства, Мила глубоко затянулась.

– Не угостишь сигареткой? – спросила Астра таким тоном, словно они уже стали лучшими подругами.

– А изгнания из рая не боишься? – Мила вытащила из кармана халата пачку сигарет и зажигалку, потянула Астре. – Расписания, правила и все такое...

Астра прикурила и по-кошачьи зажмурилась.

– Правила существуют для того, чтобы их нарушать, – сказала, не открывая глаз, а потом спросила: – Ты ведь тоже так живешь?

– Я по-всякому живу, – сказала Мила, разглядывая идеально ровное колечко дыма. В Астре все было идеальное, даже вот такая мелочь. – Бывает, что и нарушаю.

– Нарушаешь! – Астра открыла глаза. – Но знание расписания как раз играет нам на руку. В ближайшие четверть часа сюда никто не придет. Кури на здоровье.

– Какое-то сомнительное пожелание, – усмехнулась Милочка.

– Все в этой жизни следует делать с удовольствием. – Астра пожала плечами, отхлебнула из своего стакана.

– Из чего смузи? – поинтересовалась Мила, кивая на стакан.

– Смузи? – Астра удивленно приподняла бровь, а потом понимающе улыбнулась: – Это не смузи, это вишневый ликер.

– Нормально вы тут живете в этом своем раю: сигареты, вишневый ликер. А мне рассказывали про жесточайший детокс. – Мила поерзала на шезлонге, поудобнее пристраивая свое расслабленное после массажа тело.

– Это для тех, кто живет по правилам. – Астра отсалютовала ей стаканом, – а такие, как мы с тобой, вольны сами выбирать правила, по которым следует жить. Кстати, ты у нас надолго?

– Я у вас проездом. По подарочному сертификату. На мой взгляд, целого дня в этом раю нормальной женщине хватит за глаза.

– Жаль, – сказала Астра. – Нормальных женщин тут до обидного мало. Не с кем даже поговорить. Я уже молчу про вот это. – Она взмахнула рукой с почти догоревшей сигаретой, а потом спросила, снова понизив голос – Ты на машине?

– По-другому до рая хрен доберешься. – Мила села на шезлонге, свесив ноги на землю. Пора выходить из нирваны и возвращаться в привычную жизнь. – Есть хочу, – сказала она, косясь на стакан с вишневым ликером. – Волчий голод после всех этих процедур.

– Понимаю. – Астра усмехнулась. – Можешь нарушить еще одно правило? Так сказать, напоследок?

Мила даже спрашивать не стала, что нужно делать. Прекрасно проведенный день требовал яркого завершения. Сначала Мила планировала пригласить на ужин Харона. Была у нее такая мысль, когда она сдавала мобильный телефон со своими личными вещами в камеру хранения. Но потом она увидела свое лицо после процедур. Заверения косметолога, что к завтрашнему дню все пройдет, ее не устроили. Ей было нужно, чтобы все прошло к сегодняшнему вечеру, потому что представлять перед Хароном в таком виде она не желала. Представлять не желала, а приключений очень даже.

– Мне нужно в город, – сказала Астра, одним махом допивая ликер. – А нас не пускают. Мы подписали договор с центром.

– Психологический детокс, понимаю. – На самом деле Мила не понимала, как можно быть настолько бесхребетной, чтобы вверить несколько недель своей жизни в руки совершенно посторонних людей, добровольно сесть в тюрьму. Пусть даже это очень комфортная тюрьма. – Тебя подвезти до города?

Астра кивнула, а потом сказала:

– Мои процедуры на сегодня закончены, до завтрашнего утра я совершенно свободна. Вывезешь меня в багажнике своей машины. Надеюсь, в твоей машине есть багажник?

– Багажник-то есть, – сказала Мила задумчиво. – Проблема в другом. У меня билет в один конец. Боюсь, обратно в усадьбу меня больше не пустят.

– Ничего. – Астра легкомысленно махнула рукой. – Обратно я как-нибудь сама. Доеду до Видово, а там напрямую через лошину. На самом деле тут недалеко.

– А на территорию ты как попадешь? – Милу увлекла эта почти шпионская история. Увлекла до такой степени, что ей вдруг захотелось составить Астре компанию.

– Так же, как выберусь. Попрошусь в багажник к кому-нибудь из персонала. Досматривать авто они тут пока не додумались. – Она поморщилась, давая понять, как относится к действующим в Гремучем ручье правилам.

Ответить Мила не успела, потому что в их сторону направлялся официант. В руках он нес поднос с фруктами и разлитой по стаканам минералкой. Благо, к этому времени они с Астрой уже избавились от улик и представляли собой парочку мило беседующих бездельниц. Официант вежливо кивнул, поставил поднос на столик между шезлонгами и удалился. Мила взяла с подноса ветку винограда, Астра впилась зубами в персик.

– Лучше бы бутербродов принес, – сказала Мила, обрывая виноград.

– Не кошунствуй! – Астра доела персик, запила его минералкой, а потом спросила: – Ну, сколько у нас времени на сборы?

Глава 4

Из усадьбы Мирон выехал через главные ворота, в отличие от Харона, который предпочел воспользоваться черным ходом. Новый день уже полностью вступил в свои права. И если в Гремучей лощине права эти были ограничены особенностями ландшафта и микроклимата, то наверху, в мире простых смертных, солнце смолило нещадно.

Перед тем, как приступить к задуманному, Мирон навестил Ба, испил у нее кофею, поболтал о пустяках. Рассказывать Ба о своей подработке, Мирон не стал. Почему-то ему казалось, что она не одобрит такое решение. Ба вообще недолюбливала Гремучий ручей. Истории, с ним связанные, любила, а вот саму усадьбу как-то не очень. И подливать масла в огонь Мирон не хотел. Между первой и второй чашкой кофе он узнал, что Ба в ближайшее время планирует посетить маникюршу и городскую библиотеку. Музей в ее планы не входил, и это было хорошо. Совершать налет на хранилище лучше без свидетелей.

План Мирона был одновременно прост и коварен. В музее он с малых лет был завсегдатаем. Его знали все сотрудники, у него были ключи от кабинета Ба. Правда, пришлось соврать дежурному смотрителю, что явился он по поручению Ба, якобы та забыла важные бумаги и отправила его посыльным. Разумеется, ему поверили. А с чего бы им не поверить такому чудесному молодому человеку? Остальное было делом техники. Мирон порылся в ящиках письменного стола Ба, нашел связку ключей. На его взгляд, было крайне неосмотрительно оставлять ключи вот так – почти на виду. Надо будет при случае указать Ба на такую оплошность. А пока все оплошности ему на руку.

В хранилище Мирон проскользнул никем не замеченный, подавляя поднявшиеся со дна души неприятные воспоминания, подошел к сейфу, набрал код. Чтобы взять в руки ящик с ошейником, ему потребовалось некоторое мужество. Он больше не боялся, что прикосновение к этой штуке призовет в хранилище Цербера, но ощущения, которыми сопровождалось их первое близкое знакомство, были до сих пор свежи. Поэтому ошейник из ящика Мирон вытаскивал с максимальной осторожностью.

Ничего страшного не случилось. Земля не ушла у Мирона из-под ног. Даже волна дурноты не накатила. Ошейник был тяжеленный и здоровенный. Мирону подумалось, что даже Церберу он будет изрядно велик. Да и как нацепить реальный ошейник на шею призрачного пса? У Мирона не было никаких идей, но он очень рассчитывал на светлый ум Харона.

Мирон сунул ошейник в рюкзак и уже собирался поставить опустевший ящик обратно, когда на дне сейфа заметил еще кое-что. Это был конверт из плотной бумаги. К счастью, незапечатанный, потому что вскрыть конверт, точно предназначенный не ему, у Мирона не поднялась бы рука. Или поднялась, но потом пришлось бы до конца дней своих испытывать муки совести, вне зависимости от того, что обнаружилось бы внутри конверта. А так оставалась хотя бы иллюзия, что он не делает ничего предосудительного. Ну, почти ничего.

В конверте хранилось несколько писем. Или, вернее сказать, одно письмо и один официальный документ. Официальный документ был сделан на немецком языке, которого Мирон знать не знал. Его лингвистические познания ограничивались крепким английским и самую малость французским. О том, что документ именно официальный, свидетельствовала печать и дата. Отправлен он был полтора года назад, но почему-то оказался не в папке «Входящие», а в хранилище на самом дне сейфа. Мирон старательно сфотографировал документ, на всякий случай перевернул, чтобы убедиться, что с обратной стороны нет ничего важного, и сунул обратно в конверт. Фото нужно будет непременно показать Харону, пусть на досуге переведет.

Письмо же было написано по-русски, размашистым и, словно бы неуверенным почерком. Так обычно пишут люди, отвыкшие от ручки, или с какими-то проблемами в нервномышечном аппарате. А может быть, человек, отправивший это письмо Ба, просто торопился.

Или русский для него был неродным языком. Да мало ли что могло быть! Вполне возможно, что Мирон просто придирается.

Письмо было понятнее и куда занимательнее бюрократической немецкой писанины. Написал его человек, приславший Ба ошейник. Некий мистер Сандпайпер, представившийся председателем исторического общества города Вены, просил Ба оказать ему честь и принять на хранение семейную реликвию некогда великого, а ныне почти забытого венгерского рода Бартане. Вот откуда, оказывается, взялась геральдическая книга! Очень интересно!

Мистер Сандпайпер в своем письме особо настаивал, чтобы ошейник не вносился в каталог музея и ни при каких обстоятельствах не становился частью музейной экспозиции, но по возможности хранился в достаточно надежном месте. Этот странный подарок предназначался лично госпоже Софье Куликовой или, в случае ее ухода из жизни, ее наследникам. А геральдической книгой госпожа Софья вольна распоряжаться так, как посчитает нужным.

Помимо прочего, из письма загадочного мистера Сандпайпера следовало, что в ближайшее время музей под управлением госпожи Софьи получит некий грант на развитие, а сама она – вознаграждение за неоценимый вклад в сохранение культурного наследия родного края в целом и усадьбы «Гремучий ручей» в частности. Вознаграждение будет передано ей вместе с ошейником и геральдической книгой. Распоряжаться им, как и книгой, она вольна по собственному разумению.

На невысказанный Мироном вопрос о причинах столь небывалой щедрости в письме имелся пространный, но весьма туманный ответ. Мистер Сандпайпер называл себя потомком человека, который много лет назад побывал в усадьбе «Гремучий ручей» и имел счастье быть другом отца госпожи Софьи.

По всему выходило, что предок Сандпайпера дружил с прадедом Мирона, дедом Митей. И если дело происходило в Гремучем ручье, то можно было предположить, что этот самый предок тоже был активным участником сопротивления. Может партизаном, а может и подпольщиком. И, вероятно, что-то знал и про упырей, и про Цербера. Может быть даже встречался с ним лично. Интересно, тогда Цербер был во плоти, или таким же, как сейчас?

А еще интересно, почему ошейник Темного пса рода Бартане оказался у какого-то постороннего дядьки. А еще интереснее, почему посторонний дядька вдруг решил его вернуть. И вернул не настоящей хозяйке, которой, как они с Хароном сегодня выяснили, была Лера, а Мироновой бабушке да еще с такими туманными формулировками. Выходило, не подарил, а оставил на хранение. Для чего? Для кого Ба должна была его сохранить?

Вопросов было много, ответов пока не было вовсе, но Мирон не терял надежды. Лиха беда начало! Как-нибудь разберутся! А теперь ему нужно убираться из музея, пока кто-нибудь из сотрудников не застукал его на месте преступления!

Мирон сфотографировал письмо Сандпайпера, а потом сунул его обратно в конверт с документом на немецком языке. Конверт положил в сейф, поставил сверху опустевший ящик. Он был почти уверен, что Ба не станет проверять содержимое ящика. Это значит, что у них с Хароном есть время на решение проблемы.

Выйдя из хранилища, Мирон заскочил в кабинет Ба, вернул ключи на место, сфотографировал те страницы геральдической книги, на которых рассказывалось о роде Бартане, сфотографировал герб с Темным псом, увеличил в телефоне фото, чтобы внимательнее изучить ошейник. Ошейник был тот самый! В этом не было никаких сомнений, а это значит, они на верном пути. Куда заведет их этот путь, пока не ясно, но отступать никто не собирается. Леру нужно вытаскивать из комы. Но сначала нужно как-то воплотить Цербера.

Звонить Харону Мирон не стал, просто отправил сообщение и фотографии. Харон, по его прикидкам, сейчас должен был спать. Такой уж у него был график. Мирону и самому спать хотелось почти невыносимо. Ночные бдения давали о себе знать. Вообще, со всей этой исто-

рией он, как и Харон, перешел в ночной режим. Что ж делать, если упыри активничают исключительно при свете луны!

Чтобы совсем не выпасть из жизни, перед тем, как улечься спать, Мирон завел будильник. На сон он себе отвел ровно два часа. Глядишь, успеет и передохнуть, и перекинуться парой слов с Лерой. Сказать по правде, увидеться с Лерой ему хотелось так же сильно, как воплотить Цербера. Да и ей, наверное, будет любопытно узнать, что творится во внешнем мире, пока она прохлаждается в этой своей коме.

Цербер явился в тот самый момент, когда Мирон рухнул на кровать. Явился просто так, доложить, что все идет по плану, Лера жива и невредима, враги расползлись по гробам и норам. Разумеется, ничего такого Цербер не сказал, но уже само его присутствие в квартире Мирона говорило о главном: в Гремучем ручье все под контролем, благородный рыцарь может спать спокойно.

– А я достал твою сбрую. – Мирон потянулся за рюкзаком, вытащил ошейник. Тот с тихим треньканьем улегся поверх банной простыни, по случаю жары служившей Мирону одеялом. – Это ж твоя?

Цербер утвердительно кивнул.

– Так может ты ее того... примеришь?

Цербер мигнул дважды.

– Не можешь?

Ответом ему стал кивок черепушкой.

– А как же нам тогда тебя воплотить? – Мирон взъерошил волосы. Уставший организм молил о хотя бы кратковременном отдыхе, но мозг продолжал лихорадочно, хоть и не слишком результативно искать варианты решения проблемы. – Если есть ошейник, должна быть и шея, на которую он надевается. Так?

Цербер снова кивнул.

– И шея эта должна быть, как минимум, материальная. Так?

Еще один кивок в ответ. Цербер нетерпеливо переступил с лапы на лапу, в красном пламени, полыхающем в его глазницах, Мирону чудилась надежда. Вот только в гудящую от усталости Миронову голову не приходило ни одной светлой мысли. Лезла всякая ерунда.

– Останки твои нам, что ли, нужно откопать? – спросил он и широко зевнул.

Цербер вскочил на ноги, положил передние лапы на кровать в опасной близости от Мироновых коленок, мигнул, а потом еще и кивнул для пушей надежности.

– Реально откопать? – переспросил Мирон потрясенно. – Сначала откопать, а потом на твои бранные останки нацепить ошейник?

Чувствовалось в поведении Цербера некоторое колебание. То ли колебание, то ли неуверенность. То ли Мирон, по своей привычке, снова неправильно сформулировал вопрос.

– А где могила твоя? – спросил он, потирая виски.

Вместо ответа Цербер зло ткнул его лапой в колено. Зло, потому что через все Мироново тело словно бы прошел разряд электрического тока. Это Харону общение с потусторонним только в радость, а вот Мирону приходится тяжеловато.

– Попрошу без лап! – Мирон отодвинулся подальше от Цербера. – Не видишь, я думаю!

Если бы Цербер мог говорить, то, наверняка, сказал бы, что думает Мирон плохо. Но единственным средством коммуникации у них были красные огоньки в мертвых глазницах мертвого пса, поэтому Цербер просто трижды мигнул.

– И без оскорблений, – проворчал Мирон, а потом сказал умоляюще: – Слушай, друг, голова болит, котелок не варит. Это тебе все нипочем, а мне нужно хотя бы пару часов сна. Обещаю, я что-нибудь придумаю. Найдем мы твоё тело. Ну, то, что от него осталось.

Цербер угрожающе занес лапу над вторым его коленом, Мирон зажмурился, готовясь к очередному разряду. Но разряда так и не случилось. Пару мгновений он посидел зажмурив-

шись, а когда открыл глаза, Цербера уже не было в комнате. То ли обиделся, то ли понял, что с Мироном сейчас каши не сварить.

– Я подумаю об этом завтра, – сказал Мирон и рухнул сначала на кровать, а потом почти сразу же в сон.

Это был ее сон. Мирон понял это, когда больно приложился затылком о каменные плиты пола. Голова отозвалась болью, а Мирон с отстраненной деловитостью подумал, что его бедное тело притащило в сон все свои физические проблемы. Раз болела голова в реальном мире, так получи по ней и в мире призрачном. Он чертыхнулся, сел и осмотрелся. Место было знакомое. Сюда Мирон попадал всякий раз, когда собирался встретиться с Лерой. На сей раз анфилада комнат, которую ему предстояло преодолеть, выглядела светлее и наряднее. Наверное, Лериной фантазии и домовитости хватало уже на то, чтобы обустроить не только каминный зал, но и весь этот замок. О его появлении она тоже догадалась, потому что, стоило только Мирону встать на ноги, как в воздухе послышался мелодичный и призывный перезвон колокольчиков.

По чисто выметенным, а может даже и вымытым плитам Мирон уверенным шагом двинулся на звук колокольчиков. Предварительно он убедился, что выглядит вполне прилично – никаких тебе набедренных повязок и семейных трусов. На сей раз Лера вырядила его в льняные штаны и белоснежную рубаху. Обувки к этому расслабленному прикиду не полагалось. Хорошо хоть, что полы вымытые и теплые.

В каминном зале жарко горел огонь. Розы благоухали не только на широких подоконниках, но и на низеньких столиках, которых раньше в зале не наблюдалось. Как не наблюдалось в нем раньше и ярко-розового коврика для йоги. На коврике стояла Лера. Не на ногах стояла, а на голове, заплетая ноги в какую-то замысловатую асану. Мирон как-то сразу понял, что и коврик для йоги, и ноги заплетены не просто так, а со смыслом.

– Привет! – сказала Лера, не меняя позы. Лицо ее, вопреки законам тяготения, оставалось бледным, взгляд был сосредоточенный и лишь самую малость обиженный.

– Привет! – Мирон уселся напротив. Собственные ноги он, как умел, сложил в позу лотоса. – Решила попрактиковаться? – спросил вежливо. – В доме прибралась, спортом занялась.

– А что мне тут еще делать? – Обиды в Лерином взгляде стало чуть больше. – Это у вас там жизнь бьет ключом...

– Избушка-избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом, а то как-то неудобно общаться, – сказал Мирон, склоняя голову на бок, чтобы лучше разглядеть выражение Лериного лица.

Из асаны Лера вышла с кошачьей грацией, уселась на коврике напротив Мирона.

– О чем будем общаться, Иван-царевич? – спросила не без ехидства.

– Ну, например, я сегодня почти убил настоящую вампиришу.

– Почти? – Лера приподняла одну бровь.

– Живучая оказалась тварь. – Обижаться на сарказм Мирон не стал, понимал, что Лере тут не сладко.

– Весело у вас там. – Она вздохнула.

– Обхохочешься. Но ты под присмотром.

– Мое тело.

– Если тебе так будет удобнее. Цербер приходил?

Разговор не клеился. Лера была на него обижена и, кажется, немного смущена.

– Наведывается. – Она провела обеими ладонями по ежику серебристо-белых волос.

– Он тебя там охраняет.

– Есть от кого?

– В мире полно негодяев. – Мирон пожал плечами, а потом сказал: – А мы ищем способ, как воплотить Цербера.

- В каком смысле воплотить? – От удивления Лера даже злиться перестала.
- В прямом, вернуть из мира мертвых в мир живых во плоти.
- Сказки какие-то, – прошептала она.
- Сказки ты еще не слышала. Хочешь расскажу?

Она кивнула, склонила голову на бок. В этом движении было что-то роднящее ее с Цербером. Наверное, не зря говорят, что домашние питомцы со временем становятся похожи на своих хозяев. Но комплемент получался сомнительным, поэтому Мирон сказал другое:

- Ты в курсе, что у тебя не красная кровь?
- А какая? – спросила Лера с таким искренним удивлением, что ему стало смешно.
- Голубая. Голубых кровей ты девица, Лерочка! Можно сказать, ты последняя из потомков древнего венгерского рода Бартане. Графского рода, между прочим.

– Я?! – Она больше не удивлялась. Губы ее снова кривились в саркастической усмешке. – Мироша, что ты принял для того, чтобы уснуть?

– Не веришь? – Он не стал обижаться на «Мирошу», хотя соблазн был велик. – Понимаю, я бы сам не поверил. На графиню ты не тянешь, но против фактов не попрешь! – Он похлопал себя по карманам штанов, посмотрел на Леру: – Ты можешь материализовать мою мобилу?

- Не знаю, не пробовала.
- Так попробуй. Там доказательства твоего вельможного происхождения, миледи.
- Со всем содержимым? – Лера зажмурилась, сосредоточилась.
- Интимные фото можешь не материализовывать.
- А они есть? – Она приоткрыла один глаз.

Мирон усмехнулся.

– Шучу. Не отвлекайся! – Такая сосредоточенная она нравилась ему особенно. – Вот прямо сюда его клади!

Он протянул руку ладонью вверх. Через пару мгновений на ладони появился его мобильник.

- Он? – спросила Лера удивленно, словно сама до конца не верила в то, на что способна.
- Сейчас проверим! – Мирон ввел пароль, открыл галерею. – Он! Вот любуйся!

Любовалась Лера долго. Сначала разглядывала фото из геральдической книги, потом письмо.

- Что это? – спросила, наконец, и постучала ноготком по гербу.
- Это твой фамильный герб, а на нем наш четвероногий друг Цербер. По вашему, графскому, Темный пес – защитник рода Бартане.
- Очень увлекательно, а я здесь при чем? – Лера снова нахмурилась.
- При том, что Цербер охраняет именно тебя.
- И?..
- И это значит, что ты одна из Бартане. Вероятно, самая последняя в роду.
- Бред! – Лера покачала головой. – Мирон, где я, а где Венгрия?! Я обыкновенная!
- Так уж и обыкновенная? – Мирон выразительно посмотрел на свой мобильник. – Тогда расскажи, как у тебя все это получается?

– Что – это?

– Да все! Замок, камин, вот этот коврик, мой телефон! Кстати, рубашка мне маловата, у меня развитая грудная мускулатура, детка.

Про мускулатуру Лера пропустила мимо ушей, все ее мысли были заняты осознанием вскрывшейся проблемы. Или открывшихся перспектив. Это уж с какой стороны посмотреть.

– Дамочки из рода Бартане были весьма своеобразными. – Мирон не стал ее больше мучить. – В давние времена их бы посчитали ведьмами, а в наш просвещенный век – экстрасенсами.

Лера скептически фыркнула.

– Обычным девицам полагаются болонки или йорки, на худой конец. А тебе в качестве домашней зверюшки выдали целого Темного пса. Не находишь это странным?

– Нахожу. – Держать удар эта девчонка умела. – Но все равно не понимаю. Не было в моей жизни ничего такого...

– А что ты вообще помнишь о своей жизни? Или вспомнила? – спросил Мирон с надеждой.

Она покачала головой.

– Ничего, еще вспомнишь. – Он осторожно погладил ее по волосам. – Но ты особенная, и спорить с этим нет смысла. Даже то, что ты не умерла – уже чудо.

– Я застряла! – Лера мотнула головой, стряхивая его руку. – Я застряла в этом чертовом месте! По-твоему, это жизнь?!

Можно было сказать, что он обязательно что-нибудь придумает, что вытащит ее из мира теней на солнечный свет, но Мирон промолчал. Много ли он знает про мир теней? Он в этой истории такой же слепой котенок, как и Лера. Разве что чуть более живой.

– Обещай мне, – сказала Лера после долгой паузы. – Обещай, что, если у тебя там наверху ничего не получится, ты меня...

– Что я тебя?..

– Ты отключишь меня от аппарата, – сказала она с отчаянной решимостью. – Как только я решу, что с меня достаточно, ты все сделаешь.

По позвоночнику пробежал холодок, в солнечное сплетение словно впился раскаленный крюк, на мгновение стало так больно, что Мирон зажмурился.

– Лера, ты не подключена к аппарату, – сказал он тихо и твердо.

– Значит, ты что-нибудь придумаешь. – В ее голосе тоже была боль, но не было решительности.

– Как? – спросил Мирон. – Предлагаешь придушить тебя подушкой?

– А можно?

– Ты дура, да?! – рявкнул он в сердцах.

Она ничего не ответила, она смотрела на него, а во взгляде ее водили хоровод надежда и отчаяние. Надежды было чуть больше, отчаяния чуть меньше. И Мирон сделал то, чего не собирался делать ни за что и никогда.

– Мы со всем разберемся, – пообещал он.

– Как? – спросила Лера, и надежды в ее взгляде стало еще больше.

– Как сможем, так и разберемся. Ты – здесь, а я там.

– Звучит как план. – Она улыбнулась.

– Ты ведьма – Лера.

– Спасибо...

– Я о том, что ты сильнее, чем кажешься. Ты учишься управляться с этой своей... силой. И с каждым разом у тебя получается все лучше и лучше.

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих?

– В некотором роде. Но ты не одна, за тебя там знаешь, какие люди сражаются?!

– Какие? – Лера улыбнулась. – Расскажи!

И Мирон рассказал! И про Харона рассказал, и про Милочку. И про то, какие они классные, хоть и с придурью. Но кто нынче без придурки?

Лере понравился его рассказ. Харон и Милочка ей тоже понравились. И то, что там, в мире живых, за ее телом ухаживает медсестра Семеновна, которая не только ответственная, но еще и добрая, Лере тоже понравилось. Когда по анфиладам замка разнеслась раздражающая трель будильника, уходил Мирон почти с легким сердцем. Про Леру он понял еще одну очень важную вещь: чтобы развернуться в полную силу, ей нужно на кого-то опереться и от кого-

то оттолкнуться перед взлетом. Мирону очень хотелось, чтобы этим «кем-то» для нее стал именно он.

Глава 5

Астра ждала Милу возле автомобильной стоянки. Держалась так, чтобы не светиться и не привлекать лишнего внимания. Одета она была в брючный костюм, который весьма эффектно подчеркивал ее фигуру. Мила снова успела позавидовать, пока шла к своей машине.

– Мой багажник – не самое чистое место на земле. – Она с сомнением осмотрела наряд Астры.

– Ничего, я специально оделась попроще. – Та легкомысленно махнула рукой.

– Ничего себе – попроще, – пробормотала Мила, поднимая крышку багажника. – Прошу!

В багажник Астра забралась с удивительной сноровкой и даже позу умудрилась принять не дурацкую, а вполне себе изящную. Умеют же некоторые бабы...

– В конце подъездной аллеи есть развилка, – сказала Астра. – Остановись – я пересяду в салон.

– Главное не забыть. – С памятью у Милы было все в порядке, просто почему-то захотелось поддеть Астру.

– Я напому. – Астра улыбнулась ей из темноты багажника. Улыбка получилась хищная. Мила захлопнула крышку, уселась за руль. Примерещится же...

Из усадьбы Милу выпустили без лишних слов и досмотра. Попробовали бы они ее досмотреть! На быстром наборе в ее мобиле имелся телефон весьма известного в области адвоката. Когда-то у Милы с адвокатом случился бурный, но скоротечный роман. Роман закончился, а полезные связи и готовность помочь друг другу в трудную минуту остались. Так вот попробовали бы ее досмотреть!

Нужную развилку Мила, разумеется, не проскочила, остановила машину, открыла багажник. Астра сощурилась, прикрыла лицо от бьющих сквозь листву солнечных лучей.

– Дело сделано. – Мила отступила на шаг, давая Астре возможность выбраться из багажника.

Оказавшись на воле, Астра стряхнула с по-прежнему идеального костюма невидимые соринки, притопнула туфелькой. Туфельки у нее были загляденье: кроваво-красные, на высоких шпильках. Наверное, старик Фрейд много чего смог бы рассказать про эти туфли, а Мила просто тихо позавидовала.

В машине Астра уселась на пассажирском сидении, поерзала, устраиваясь поудобнее и вытягивая свои длинные ноги, а потом откинула голову на подголовник и сказала с явным удовольствием:

– Как же хорошо!

Мила с ней согласилась. День, начавшийся так замечательно, плавно перетекал в не менее замечательный вечер.

– Куда тебя? – спросила она, заводя мотор.

– В магазин, – сказала Астра.

– Продуктовый?

– Промтоварный!

Они переглянулись и рассмеялись.

– Хочу прогуляться по городу, прикупить себе чего-нибудь из местного колоритного. Есть у вас тут что-нибудь колоритное? – Астра посмотрела на Милу.

– Я так понимаю, магнители с видами города не предлагать?

Астра отрицательно покачала головой.

– Хрусталь у нас тут есть.

– Не довезу.

– Кошёлки из лозы. Очень миленькие.

– Кошёлки! – Астра расхохоталась.

– На этом все. – Мила смотрела на дорогу и тоже улыбалась. – Если хочешь, давай просто поужинаем, – предложила она. – Вот ресторан у нас тут есть очень хороший.

– А почему бы и нет! – Идея с рестораном Астре явно понравилась. – Надоело это диетическое меню, хочется нормальной еды!

Она снова улыбнулась, и снова белоснежная ее улыбка показалась Миле хищной. Всего на долю секунды, недостаточную, чтобы насторожиться или хотя бы задуматься над собственными ощущениями.

До города они домчали с ветерком. Мчали по той самой заброшенной дороге под бодрое завывание какого-то импортного рок-музыканта, рассекая бампером резвой Мибиной машинки лиловые сумерки. Мила слов не понимала, а Астра даже пыталась рок-музыканту подпевать. Голос у нее был красивый, завораживающий. Как у мифической сирены.

Вот только в ресторане их ждала засада: по случаю субботнего вечера в зале не было ни одного свободного столика. Оказывается, записываться нужно было сильно заранее, оказывается, место уж больно популярное. Так с чуть виноватой, но все равно дежурной улыбкой сообщил им метрдотель. Мила сначала расстроилась, а потом разозлилась, принялась листать записную книжку в своем телефоне, искать полезные контакты, способные решить эту маленькую, но такую досадную проблему. Очевидно, первым делом позвонить стоило Харону, в прошлый раз ей показалось, что в ресторане Харон считается завсегдатаем. Но этот звонок был равносителен признанию собственной беспомощности, а меньше всего Миле хотелось выглядеть беспомощной.

– Я сейчас все порешаю, – сказала она, разглядывающей зал Астре. – Если потребуется, до мэра доберусь.

Добираться до мэра не пришлось, этот чудесный день явил очередное чудо! Из темных глубин зала к ним спешил юркий, одетый в ладный костюм-тройку старичок. Кажется, старичка этого Мила видела в свой прошлый визит, кажется, он о чем-то разговаривал с Хароном, когда она удалялась в дамскую комнату поправить носик. Наверное, старичок этот имел в ресторане какой-то вес. Наверное, Харон тоже имел вес, потому что на сей раз встречу Миле оказали не в пример более радушную, чем пару минут назад. Старичок представился управляющим заведением Семеном Михайловичем Елистратовым, давним приятелем господина Харона, страстным ценителем искусства, которое тот привнес в этот бранный мир своими восхитительными работами.

– Какими работами? – спросила Астра с вежливой улыбкой.

– Посмертными масками, – сказала Мила небрежным тоном, словно между прочим. – У Харона похоронный бизнес, он вообще большой оригинал!

Отчего-то ей захотелось, чтобы и ее, Милу, связывали с Хароном, великим и ужасным.

– Какое изящное увлечение, – сказала Астра с нескрываемым восторгом, тем самым добавив себе еще несколько очков в Милиных глазах.

– Правда ваша! – Семен Михайлович приложился к узкой ладони Астры галантным поцелуем и почти сразу же выпустил ее руку. В его выцветших глазах мелькнуло, но тут же исчезло изумление. Дальше с восторженного тона он перешел на деловой, сообщив, что для друзей господина Харона в их заведении всегда зарезервирован столик, и, если в дальнейшем Миле вздумается посетить ресторан, она должна первым же делом требовать управляющего! Это было лестно, это было приятно и очень вовремя. Потому что Мила сомневалась, что хоть кто-нибудь из списка ее полезных контактов смог бы ей в этом помочь.

Столик, к которому их с Астрой привел Семен Михайлович, оказался тем самым, за которым они ужинали с Хароном. Хороший столик, удобный. Официант материализовался перед ним сразу же, как удалился управляющий. Что ни говори, а сервис тут был на высшем уровне.

В такое место и столичную штучку Астру привести не стыдно. И это они еще не приступили к ужину!

Ужин удался! От спиртного Мила решительно отказалась. Ей бы хотелось заказать себе кальвадоса, поинтересничать перед Астрой, внести в атмосферу чего-то от Ремарка. Но Мила никогда не садилась за руль, выпив алкоголя. Астра остановилась на водке. Самой обыкновенной, сорокоградусной. Тоже интересничала? А, пожалуй, и нет! Пила она с какой-то мужской обстоятельностью и сноровкой. При этом почти не закусывала и совсем не хмелела. Наверное, именно это она и имела в виду, когда говорила про надоевший режим.

Несмотря на этот непритязательный и в чем-то даже плебейский выбор алкоголя, внимание присутствующих в зале мужчин Астра к себе привлекала. Пару раз особо смелые даже пытались пригласить ее на танцпол. От танцев Астра решительно отказывалась. Кажется, во всей этой человеческой круговерти ее интересовала одна только Мила: ее жизнь, ее работа, этот ее «загадочный Харон». Подобный интерес был Миле приятен. Наверное, продлись их с Астрой общение дольше, они могли бы стать подругами. У Милы никогда не было подруг: ни в детстве, ни в юности, ни в расцвете сил и красоты. Она считала себя умной, красивой и самодостаточной женщиной. Ей вполне хватало внимания и дружбы мужчин. Но с Астрой все было иначе. С Астрой ей было интересно! К тому же, Астра оказалась самой настоящей писательницей! Во время одного из их совместных перекуров Мила специально украдкой погуглила, чтобы убедиться, что Астра ей не врет.

Астра не врала! Она в самом деле написала книгу. А еще, как гласила бегло просмотренная статья, она была экспертом по стилю и этикету. Теперь понятно, почему она так чертовски хороша. Почему даже лежа в багажнике выглядела не кавказской пленницей, а Шамаханской царицей. И советы по стилю Астра раздавала щедро, но без этих вот столичных понтов. Нормальная оказалась баба, пусть во взгляде ее и проглядывало иногда что-то опасно яркое и острое, как вспышка молнии в майскую ночь. Впрочем, женщина и должна быть непредсказуемой и чуть опасной, чтобы мужчина, которого она выберет, не расслаблялся и не скучал в ее обществе.

Из ресторана они вышли в начале одиннадцатого, постояли на крылечке, вдыхая сладкий вечерний воздух, а потом Астра сказала:

– Ну, мне пора! Как тут у вас с такси? – Она полезла в сумочку за своим мобильным.

– Какое такси?! Я специально не пила, чтобы вернуть тебя в этот твой рай. Поехали! – Мила щелкнула брелоком сигнализации, и ее машинка приветственно мигнула фарами. – Я только не совсем понимаю, как ты планируешь попасть на территорию. – Мила уселась за руль, посмотрела на Астру. – Поздно уже. Предлагаю переночевать у меня, а завтра утром я тебя отвезу.

– Пересменка в Гремучем ручье начинается в начале двенадцатого. – Астра легкомысленно пожала плечами. – Высади меня на въезде в лошину, дальше я сама. Поймаю кого-нибудь из персонала по пути.

Мила представила, как Астра на этих своих высоченных каблуках бредет в темноте по лесному бездорожью, а за ней, такой стильной, такой изящной, в темноте крадется какой-нибудь упырь, и покачала головой.

– Довежу до развилки, а дальше лови, кого хочешь, – сказала она решительно и включила зажигание.

Машинка тихо рыкнула и резво покатила прочь от ресторана, который Семен Михайлович называл «заведением». Если бы Мила глянула в зеркальце заднего вида, то непременно увидела бы того самого Семена Михайловича, выбежавшего на крыльцо и энергично размахивающего зажатой в руке мобильником. Милиным забытым в «заведении» мобильником. Но Мила почти никогда не смотрела назад, взгляд ее был устремлен вперед и только вперед. Такой уж она уродилась.

Они на всех парах промчались через весь город, который, как и все провинциальные города, укладывался спать с заходом солнца. Если в центре жизнь еще как-то себя проявляла, то, чем ближе к окраине, тем тише и темнее становились улицы, а в частном секторе, кажется, уже воцарилась ночь. Свет горел лишь в окнах домов, а тишину нарушал тревожный вой собак. Именно вой, а не лай. Раньше Мила такого не замечала, хотя и сама жила в частном секторе. Но ее частный сектор был куда веселее, наряднее и привлекательнее проносящихся за окном окраин. Ее частный сектор по местным меркам считался элитным. В дальних, но все же соседях у нее числилась Миронова бабуля, а Миронова бабуля в трущобах жить не станет. Это Мила знала точно. Они встречались пару раз на официальных городских мероприятиях. И всякий раз Миле казалось, что этой стильной, умной и малость надменной мадам самое место где-нибудь в Париже, а не в их богом забытом городке. Наверное, и Мирона Мила долгое время игнорировала именно из-за его сиятельной родственницы. Отчего-то ей думалось, что Мирон избалованный мажор, получивший заведование благодаря связям и влиянию своей бабки. Случай с девочкой Лерой коренным образом изменил ее мнение. Избалованный мажор ни за что не стал бы просить за какую-то незнакомую девчонку с минимальными шансами на выживание. Избалованный мажор не метался бы между пострадавшими, привезенными с той чудовищной аварии, в попытке помочь всем и сразу. У избалованного мажора никогда не оказался бы в друзьях такой человек, как Харон. Получается, внешность обманчива, а сама Мила не особо хорошо разбирается в людях. Получается, недостаточно для глубокого и качественного анализа парочки прочитанных книг по психологии.

Спустя четверть часа сонные городские окраины остались далеко позади, тишина, воцарившаяся в машине и вне ее, начинала напрягать. Мила покрутила ручку настройки радио, поймала местную радиоволну и сразу же попала на криминальные новости.

Да в их городке имелаась и собственная радиостанция, и даже собственные криминальные новости, которые назывались по-идиотски пафосно «На крыльях ночи» и которые вел бесценный и бесталаный Карпуша Черный. Обычно на крыльях ночи прилетала инфа о мелких происшествиях: кражах, пожарах и семейных скандалах, но сегодня речь шла об исчезновении. Или, как осторожно и загадочно выразился Карпуша, о вероятности исчезновения. Над дикцией Карпуше стоило бы поработать с хорошим логопедом: он глотал окончания и пришепывал, наверное, поэтому голос его звучал одновременно комично и зловеще.

– ...Компания из четырех молодых людей отправилась в двухдневный поход четыре дня назад, – бубнил он, и от голоса его у Милы сводило скулы, а придремавшая было Астрида открыла глаза.

– Это что? – спросила она с ленивым интересом.

Ответить Мила не успела, за нее ответил Карпуша:

– Родственники пропавших сообщили, что молодые люди перестали выходить на связь два дня назад. Невероятное дело! Их мобильные телефоны отключены!

– Батареи сели. Тоже мне, невероятное дело! – сказала Мила с саркастической улыбкой. Карпуша Черный был ее одноклассником, а еще редкостным идиотом с манией величия. Он искренне мнил себя звездой и помимо вечерних новостей вел еще и собственный канал на Ютубе. В подписчиках у Карпуши было аж пять тысяч человек. Мила подозревала, что подписчики фейковые, как и вся Карпушина фальшивая суть.

– Родственники утверждают, что, как минимум, у двоих из пропавших при себе имелись пауэрбанки. – Карпуша словно вел с Милой словесный бой. – В полиции отказываются принимать заявления...

– Ну, три дня с момента пропажи ж еще не прошло, да? – спросила Мила, всматриваясь в темноту перед машиной. – А ребятки, наверное, совершеннолетние. А ребятки, наверное, решили оторваться по полной.

– Наша редакция решила проявить гражданскую озабоченность...

– Редакция! – фыркнула Мила. – Видела я ту редакцию, три калеки да вот этот шепелявый.

– Просим всех равнодушных горожан внимательно выслушать приметы пропавших молодых людей. Если у вас имеется хоть какая-нибудь информация, – Карпуша выкрутил драматизм в голосе до максимума, – пожалуйста, звоните в нашу редакцию по номеру... – Дальше было неразборчиво из-за дефекта дикции. Мила не сумела разобрать сразу две цифры. Ну и смысл в такой гражданской озабоченности?!

Зато особые приметы он перечислил почти без запинок и пришепетываний, наверное, зачитывал с бумажки. Два молодых парня восемнадцати и девятнадцати лет, оба среднего телосложения, оба шатены. На одном штаны цвета хаки и такого же цвета футболка. Второй был одет в красную майку и синие джинсы, при себе имел гитару. Ну правильно! Если в поход, то непременно с гитарой! Мила усмехнулась. Девушки восемнадцати лет приметы имели побогаче. Одна – длинноволосая блондинка с убранными в хвост волосами, одетая в черную майку, серую ветровку и серые джинсы. Вторая – коротко стриженная брюнетка с татуировкой ворона на левом предплечье. Одетая в белую майку, белую олимпийку и синие спортивные штаны. Молодые люди планировали провести две ночи в лесу, при себе у них имелись походные рюкзаки и четырехместная палатка. Дальше следовало описание рюкзаков и палатки, которое Мила пропустила мимо ушей.

– И часто у вас тут так? – спросила Астра.

– Что?

– Пропадают люди.

– Да кто сказал, что они вообще пропали? – усмехнулась Мила. – Я сама знаешь, сколько раз вот так по молодости «пропадала»? И никто не переживал, по радио поиски не объявлял! Это Карпуша хайпует, рейтинги свои повышает. Лучше бы к логопеду ходил.

– На этом все! – сообщил Карпуша, а потом вдруг добавил заговорщицким шепотом: – Но лично у меня для вас есть эксклюзивная информация! – Дальше шла музыкальная заставка из «Оно». Наверное, она должна была придать дополнительный вес предстоящему сообщению. – Загадочное происшествие в городском морге. – Голос Карпуши упал до зловещего шепота, а потом сорвался почти на визг: – Подробности на моем Ютуб-канале «На крыльях ночи» сразу после полуночи! – И снова зловещая музыка. Как же без нее?! Но вот это «загадочное происшествие в городском морге» Милу насторожило. Что такое загадочное мог раскопать Карпуша? Уж не то ли, загадочное, которое они с Хароном и Мироном так старательно пытались скрыть?

– Пропавшие туристы, загадочное происшествие в морге, – усмехнулась Астра. – Весело вы тут живете.

– Да уж повеселее, чем вы в своем стерильном раю.

За вечерними байками Карпуши Мила не заметила, как они въехали в Видово. Вот тут, в отличие от города, жизнь была ключом: слышался смех и звуки музыки, горели фонари и подсвеченные разноцветными гирляндами террасы, вкусно пахло жареным мясом. От сердца как-то сразу отлегло, после Карпушиных рассказов хотелось именно вот такого привычного и заурядного. И даже, когда Видово осталось позади, какое-то время до них еще доносились обрывки какой-то застольной песни.

Настоящая тишина накрыла их уже в лощине. И тишина, и темнота. Было в них что-то мрачно-первобытное, что-то такое, от чего постоянно хотелось оглядываться и прислушиваться к каждому шороху. Очень хорошо, что они на машине! На машине проскочить эти невесть откуда взявшиеся джунгли им будет раз плюнуть.

А вот не вышло... Похоже, все чудеса, отмеренные на этот день, уже закончились, и началась подлянка. Подлянка маскировалась под березу, лежащую поперек дороги. Как она туда попала, Мила не знала и знать не хотела. Может ветром повалило, может какой-нибудь при-

дурок из видовских дачников спилил. Прецедент уже имелся. Прошлым летом парочку таких вот охотников за бесплатными дровишками для шашлыка уже штрафовали и даже подвергали публичной порке. Наверное, поэтому на дело они стали выходить по ночам. Выйти-то вышли, а вот мозгов рассчитать, с какой стороны дерево рубить, чтобы правильно завалить, не хватило. Завалили, как умели – прямо на дорогу.

– Здравсьте – приехали! – сказала Мила с досадой и принялась выбирать из салона.

Наверное, долго выбиралась, потому что как-то так оказалось, что Астра уже ждет ее снаружи. Она стояла посреди дороги, носки ее дорогущих туфелек едва не касались расплывшихся по земле березовых ветвей.

– Это у нас тут что? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это у нас тут какой-то козлина решил веников навязать! – сказала Мила и поморщилась.

– Посреди ночи? – Астра смотрела на нее с задумчивым интересом.

Отвечать Мила не стала, вместо этого прошла вдоль березового ствола к основанию. Дерево и в самом деле было срублено, причем, небрежно и бестолково. Наверное, козлина сильно спешил. Вполне вероятно, что они спугнули его светом фар.

– Эй! – заорала Мила во все горло! – Есть кто живой? Выходи, гад такой!

Разумеется, ей никто не ответил, и никто не вышел из темноты. Как говорила Милина бабушка, нет дурных! Береза выглядела старой и внушительной, но Мила все равно попыталась сдвинуть ее с места. Просто так, для очистки совести, хотя уже прекрасно понимала, что ни ей одной, ни им обоим эту махину с дороги не убрать. В багажнике машины имелся транспортировочный трос, но Мила не была мастерицей по части вязания узлов. К тому же, береза, как назло, оказалась разлапистая, упиралась ветвями в землю, не желала сдвигаться с места.

– Приплыли! – сказала Мила и с досадой пнула ствол ногой.

– Все нормально. – В отличие от нее, Астра казалась невозмутимой. – Мы почти на месте. Тут до усадьбы десять минут ходьбы. Можешь мне поверить, я здесь уже бывала. – На Милу она смотрела спокойным и внимательным взглядом, в свете выкатившейся из-за тучи луны радужка ее отсвечивала серебром.

– Ты планируешь прогуляться ножками? – спросила Мила. – Ножками по оврагам и бугоркам?

– Планирую. – Астра, кажется, не видела в случившемся никакой трагедии. – За одно и голову проветрю.

Она планировала прогуляться одна по темной ложине! Ложине, которая, возможно, кишит упырями и прочей нечистью. Про упырей и нечисть подумалось так некстати, что Милу бросило в холодный пот.

– Давай пообедем, – предложила она.

– Большой крюк. – Астра покачала головой. – Я могу не успеть к пересменке. Да что тут идти, Мила?! Я не понимаю.

Выглядела она и в самом деле недоуменной. А еще опасно наивной. Но не из-за природной наивности, а из-за неведения. Она ж не в курсе всей той фигни, которая у них тут творится в последнее время! Вот Мила в курсе, а потому ни за какие коврижки не попрется в эту чертову ложину. И плевать, сколько там осталось до усадьбы. Хоть десять минут, хоть десять секунд! Это только в фильмах ужасов наивные идиотки добровольно суются прямо в логово к монстру, а она не идиотка и давно не наивная.

– Давай вернемся в город. Переночуешь у меня, – предложила она, уже заранее предвидя, каким будет ответ.

– Всего десять минут – и я на месте. – Астра легкомысленно пожала плечами, снова внимательно посмотрела на Милу. Может, надеялась, что она решит составить ей компанию?

Нет дурных! Все, что в ее силах, Мила сделала, все возможные варианты решения проблемы перечислила и предложила.

– Ты езжай. Я дальше сама. – Астра уже перебросила длинную ногу через березовый ствол. Опять с поразительной ловкостью и изяществом перебросила.

– Звери! – выпалила Мила. Это был самый последний аргумент. Про упырей же не расскажешь вот так, без подготовки, а про зверей запросто.

– Что? – Астра уже балансировала на березовом стволе, раскинув в стороны руки. Выглядела она при этом, как крупная птица. Наверное, хищная. Уж точно, не беспомощная голубица.

– Я говорю, у нас тут дикие звери, – сказала Мила вдруг осипшим голосом. – Завелись недавно. Мне пациент рассказывал.

– Какие звери? – Астра опустила руки вдоль туловища, застыла, словно готовилась взмыть в ночное небо.

– Волки. – Мила врала на ходу. – Говорят, бешеные. Если куснут, сорок уколов в живот. – Она несла такую ахинею, что самой было стыдно, но Астра слушала очень внимательно.

– Уже были жертвы? – спросила она, глядя на Милу сверху вниз этим своим серебристым взглядом. – Кого-то убили?

На память тут же пришла сцена из приемного покоя, когда в больницу заносили пострадавших в аварии. Тут и врать не нужно.

– Кого-то покусали! Про аварию на старой дороге слышала?

Астра ничего не ответила, склонила голову на бок, словно бы к чему-то прислушивалась.

– У нас информационный детокс, – сказала, наконец. – Никаких новостей!

– Так я тебе рассказываю! Какой-то зверь перекусал в той аварии кучу народа.

– На старой дороге?

– На старой дороге.

– Мила, – Астра улыбнулась, блеснув в темноте белозубой улыбкой, – старая дорога далеко, а Гремучий ручей близко. К тому же, – ее улыбка сделалась шире, а зубы еще белее, – иная женщина будет поопаснее бешеного волка. Езжай домой! – Она прощально взмахнула рукой.

Ну что ты сделаешь, если иные женщины бывают не только смелыми, но еще и сумасшедшими? Она сделала все, что могла.

– Десять минут, говоришь? – уточнила Мила, вытаскивая из сумочки пачку сигарет.

Астра молча кивнула.

– И по прямой?

– Все время по прямой.

– Тогда иди, а я тут постою, покурю.

– Зачем? – спросила Астра с искренним недоумением.

– Как доберешься до усадьбы, наберешь меня. – Мила порылась в сумочке и чертыхнулась. – Мобильник оставила в ресторане. Ворона... – Она сердито щелкнула зажигалкой, прикурила, сказала решительно: – Тогда просто кричи.

– Зачем? – Недоумения в голосе Астры стало еще больше.

– Если вдруг что-то пойдет не так, кричи! Тут тихо, слышно далеко.

– Что тут может пойти не так?

Мила чуть не сказала, что тут могут пойти упыри, но прикусила язык.

– Если хулиганы или еще что, – сказала она вместо этого.

– Хулиганы... – Астра усмехнулась, а потом сказала: – Мила, у нас же информационный детокс! У меня нет с собой мобильного. Все будет хорошо. Было очень приятно с тобой познакомиться! Надеюсь, еще встретимся.

Ответить Мила не успела, Астра взмахнула руками и исчезла. Наверное, просто отступила в темноту, но выглядело это жутковато.

– Ага, приходи в гости, – пробормотала Мила, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Обязательно приду, раз приглашаешь, – отозвалась темнота совсем близко, и Мила подпрыгнула на месте от неожиданности. Или от страха?

Она даже толком не могла понять, за кого или кого боится. Наверное, причиной всему была вот эта крошечная тьма, у которой луне удавалось отвоевать совсем немного пространства. В этой темноте даже яркий свет фар Мибиной машинки казался тусклым и неуверенным.

Если бы Мила была нормальной и здравомыслящей, она бы бросила все к чертовой матери, села за руль и втопила в пол педаль газа. Но она обещала, что будет ждать десять минут. Ну и что, что Астре не нужно ее обещание – ей самой важно держать данное слово.

– Значит, десять минут! – Мила взглянула на наручные часы, вернулась к своей машинке, оперлась поясницей на капот. – Время пошло.

Пока время шло, она успела выкурить три сигареты. Никогда раньше себе такого не позволяла – как могла, берегла здоровье. Но тут либо здоровье, либо нервы!

Третья сигарета как раз подходила к концу, когда тишину ложины в клочья порвал истошный, с ума сводящий крик...

Глава 6

Из усадьбы Харон выбрался никем не замеченный, вышел так же, как и вошел – через черный ход. Уходил не сразу, какое-то время понаблюдал за территорией, помониторил обстановку. Обстановка была спокойная. Обитатели усадьбы просыпались. По крайней мере, ее обслуживающий персонал. Присутствия Темного пса Харон больше не чувствовал, а это значило, что верный страж вернулся к своей хозяйке и в обиду ее никому не даст.

Можно было уходить. До брошенного на обочине лесной дороги катафалка Харон добрался за двадцать минут. Добрался бы и быстрее, если бы надел удобную обувь, а не дорогие английские туфли. Но звонок Мирона застал его на работе, а на работу Харон являлся исключительно в деловой одежде. Никаких тебе джинсов, никаких кроссовок и нелепых футболок, которые так любит Мирон.

Ночь выдалась хлопотная, в конторе ожидали погребения сразу три клиента, работы у Харона было много. А потом позвонил Мирон, и вместо того, чтобы отправиться домой, пришлось ехать за город, помогать мальчишке разбираться с вампирами. Харон диву давался, с какой легкостью принял факт существования нежити. Про себя он первое время старался называть вампиров представителями особой формы жизни, но получалось слишком длинно и не особо научно, поэтому, скрепя сердце, он остановился на предложенной Людмилой терминологии. Подумав про Людмилу, Харон замедлил шаг. О ней стоило не только думать, ей стоило бы позвонить. Нет, он не собирался втягивать хрупкую женщину в мужские дела, но подозревал, что Людмила разозлится, если узнает, что у них с Мироном есть от нее какие-то тайны. Собственно, не было никаких тайн, кроме того, что они выяснили, кто на самом деле творит непотребства в Гремучей лощине. И здесь Людмила оказалась права. Женщина! Особая форма жизни, высший вид...

Харон уселся за руль, включил зажигание. Сейчас он поедет домой, примет душ, сделает себе традиционный омлет с беконом, выпьет чашку зеленого чая и ляжет спать. Эту традицию он не нарушал уже много лет и не планировал нарушать впредь. Другим он будет полезен свежим и выспавшимся, с отдохнувшим мозгом и здоровыми рефлексам. Если Мирону хочется тратить заряд своих природных батареек, пусть тратит, а он, Харон, сторонник умеренности и перестраивать свою жизнь из-за каких-то там вампиров не намерен.

С такими мыслями он и уснул, чтобы проснуться ровно в три после полудня. Для этого Харону не требовались никакие будильники, вполне хватало собственных тонко настроенных биоритмов. Время после пробуждения было рассчитано и распланировано. После традиционных отжиманий и подтягиваний работа с документами и разбор рабочей корреспонденции. Потом обед. Три дня в неделю Харон готовил для себя сам, четыре оставшиеся – заказывал еду в собственном ресторане. Мог бы заказывать ежедневно – шеф-повар в его заведении был кулинарным гением, но Харон и сам многое умел, потому и занимался готовкой, чтобы не потерять сноровку и мастерство. Сегодня готовить самому не было нужды: ровно в 17.00 позвонил курьер. Харону осталось лишь накрыть стол и разложить доставленную еду по тарелкам. Обычно, высвободившееся время он посвящал просмотру новостей в сети и самообразованию, но сегодня сделал исключение.

На экране мобильного мигало сообщение от Мирона. В обычный день Харон бы сначала закончил запланированные дела, а уже потом открыл сообщение. Но сегодняшний день несколько выбивался из череды стабильных однообразных дней, и Харон снова изменил собственным принципам.

Мирон перебрал ему фотографии писем. Одного – официального, написанного на немецком, второго чуть менее официального – на русском. Из комментариев к фотографиям следовало, что письма Мирон нашел в сейфе своей бабушки вместе с ошейником Темного пса.

Ошейник он забрал себе, а письма сфотографировал и переправил Харону для ознакомления. Харон ознакомился. Письма служили еще одним доказательством исключительной важности не только самого ошейника, но и семьи Мирона, выбранной неким господином Сандпайпером в качестве хранителей реликвии.

С семьей Мирона все было более или менее понятно: мальчишка происходил от Дмитрия Куликова, того самого юного партизана, участвовавшего в зачистке Гремучего ручья от вампиров во время войны. С родословной Людмилы тоже все ясно. Девочка... Девочка у них вообще уникальная, из тех самых Бартане, след которых, казалось, затерялся в веках. Про себя Харон мог сказать лишь то, что в некотором смысле он тоже уникален, хоть и не имеет родословной, достойной того, чтобы ей посвятили страницу в геральдической книге. Оставалось понять, какая сила собрала их всех в Гремучей лощине. И для чего собрала.

Если довериться интуиции и добытым Мироном письмам, сила имела вполне конкретное имя – Сандпайпер. Именно его рукой водила судьба, когда писала те самые письма. Стал ли этот загадочный человек причиной появления в Гремучей лощине Леры, Харон не знал, но чувствовал, что вампиры появились в усадьбе неспроста. Как и Темный пес. История выходит на новый виток. Может так статься, что очень кровавый и очень интересный виток. И он, Харон, непременно хочет оказаться в самом центре того торнадо, в которое закручиваются их судьбы.

Мирон позвонил ближе к вечеру. Голос его был бодр, сам он был полон решимости творить добро и глупости.

– Читал? – спросил он, не тратя время на приветствия.

– Читал.

– И что скажешь?

– Твою семью выбрали хранителями древнего артефакта.

– Ошейника?

– По всей вероятности.

– И что мне с этими новостями прикажешь делать? – Мирон не спрашивал, Мирон по своей старой привычке рассуждал вслух. Харон не мешал, молча слушал. – Я все понимаю: я реаниматолог, но как мне реанимировать мертвую собаку?

– Темного пса, поправил Харон. Все в его мире обязано иметь правильное определение. – Ты должен реанимировать Темного пса.

– А в том письме, которое на немецком, случайно не написано, как это сделать? – В голосе Мирона послышалась надежда.

– В том письме, насколько я понимаю, одна лишь юридическая рутина.

– И никаких инструкций?

– Никаких.

– Ладно. – Чувствовалось, что особого инсайта от него Мирон не ждал, а потому не особо расстроился. – Буду думать. Может быть, еще разок попытаюсь поговорить с нашим дружком из преисподней.

– С Темным псом, – терпеливо поправил его Харон. – Мне кажется, для начала нам нужно попытаться узнать, где покойся его тело.

– По покойникам у нас ты спец, я только по реанимационным мероприятиям. Ты куда сейчас, на работу?

Это был глупый вопрос. Вся жизнь Харона была подчиненна не только строгому порядку, но и работе, которую он смело мог считать любимой.

– Да, – сказал он после небольшой неодобрительной паузы.

– А я в усадьбу. Буду присматривать за Лерой, пока не придумаю, как реанимировать...

– ...Темного пса. – Харон не дал ему договорить, предвосхитил, так сказать. – Я буду на связи, Мирон. Ты можешь звонить мне в любое время.

– Спасибо за разрешение. – Харон был почти уверен, что Мирон отвесил ему шутовской поклон. Угрозило же его в свое время связаться с таким несерьезным человеком.

– Пожалуйста, Мирон, – ответил он и отключился.

По пути в контору Харон несколько раз порывался позвонить Людмиле, но всякий раз откладывал мобильник в сторону. Наверняка, Людмила уже в курсе всего случившегося, позвонила Мирону, выяснила подробности. Почему не позвонила ему самому? Наверное, потому, что понимала, насколько он занятой человек, не хотела отвлекать от дел. Это было правильно и разумно, но Харона тревожило какое-то смутное, доселе неведомое ему чувство. Он не мог дать этому чувству верное определение, но, наверное, у обычных людей это называлось обидой. Ему было обидно, что ради выяснения подробностей Людмила позвонила не ему, а Мирону.

В конторе было спокойно. Волна живых клиентов схлынула сразу после полудня, а мертвые отличались завидным долготерпением. За то Харон их и уважал. Да и не было сейчас в конторе никого, кто требовал бы немедленного внимания. Подходящий к своему завершению день выдался бесплодным для тех, кто находится в услужении у самой смерти. Редкий, надо сказать, день! Самое время заняться любимым делом, поработать над масками.

Работа не шла. Пальцы не чувствовали рельеф и фактуру, гипс застывал то слишком рано, то слишком поздно, сосредоточиться никак не получалось. Наверно, поэтому Харон почти обрадовался, когда зазвонил телефон. Если это Мирон со своими глупостями, он примет любое приглашение, поддержит любую дурацкую инициативу. Лишь бы избавиться от этого неприятного чувства собственной никчемности. Если это Людмила, он... Харон на мгновение задумался, а потом мотнул головой. Если это Людмила, он пригласит ее в ресторан. У него даже есть повод. Взгляд Харона скользнул с мобильного на стоящую на рабочем столе картонную коробку. В коробке были купленные онлайн туфли. Перед заказом Харон пытался проконсультироваться с продавцами, которые давали совершенно противоречивые рекомендации по выбору. В итоге Харон решил положиться на собственный вкус и ценник. Ценник был высокий, а вкусу своему он доверял куда больше, чем сомнительным рекомендациям незнакомых людей.

Звонил Семен Михайлович, управляющий рестораном. И это было удивительно, потому что сей почтенный муж никогда не беспокоил Харона во время работы. Он и сейчас, прежде чем перейти к сути, долго и витиевато извинялся. Он извинялся, а в душе Харона росла тревога.

– Что случилось? – спросил он, возможно, излишне резко, потому что в трубке на какое-то время воцарилась растерянная тишина. – Семен Михайлович, чем я могу вам помочь? – добавил он уже мягче.

– Полагаю, помощь нужна не мне. – Кажется, управляющий воспрял и ободрился. – Наше заведение, – голос его преисполнился гордостью, – посетила ваша знакомая. С ней была подруга. Я провел дам к вашему персональному столику, их обслужили по высшему разряду, я...

– Стоп, – сказал Харон, – обрывая поток велеречивости. – Какая знакомая? С какой подругой?

– Та знакомая, ради которой вы велели достать «Шато Фонтёниль» 1990 года. – В голосе Семена Михайловича теперь слышалось неодобрение пополам с благоговением.

Значит, приглашать Людмилу в ресторан не придется, она уже там. И не с ним, а с какой-то подругой. То чувство, которое Харон идентифицировал как обиду, снова дало о себе знать.

– А подругу я видел впервые, – продолжил Семен Михайлович. – Но, вероятно, вы узнаете ее по описанию. Роскошная блондинка, такая, знаете ли, породистая. Одета дорого, но манеры... – управляющий перешел на шепот. – Она заказала водку. Пила ее, не закусывая, и, что удивительно, совершенно не пьянея! Я еще подумал, что репутация той усадьбы сильно переоценена, если у них такие постояльцы.

– Какой усадьбы? – Когда Харон в какой-нибудь книге читал, как у героя остановилось сердце, то расценивал этот оборот речи как до крайности неудачный и не соответствующий действительности, но внезапно его собственное сердце перестало биться.

– Гремучий ручей. Я не хотел подслушивать, понял это из их беседы. Дама отдыхает в том странном заведении, что открылось в Гремучей лощине.

– Они еще в ресторане? – Харон посмотрел сначала на наручные часы, а потом в окно. За окном сгущалась тьма.

– Совсем недавно уехали.

– Не сказали, куда?

– Я не уверен... Не могу знать. Тут возникла проблема... – Семен Михайлович сделал драматическую паузу, и сердце Харона снова остановилось.

– Какая проблема? – спросил, вставая из-за стола.

– Она, ваша знакомая, забыла в нашем заведении свой телефон. Я слишком поздно его заметил, хотел вернуть, но дамы уже отбыли.

Значит, дамы отбыли, а Людмила забыла телефон.

– Дамы уехали на такси? – спросил он, отпирая замок.

– Нет, на машине.

– Цвет?

– Желтый. Кажется, желтый, но я не уверен. Смеркалось.

Смеркалось... А Людмила уехала на своей желтой машине с какой-то женщиной из Гремучей лощины. И описание, данное Семеном Михайловичем, совпадает с описанием Мирона. Астра, первородная тварь, не смогла добраться до Леры и Мирона, поэтому переключилась на Людмилу. А он, Харон, допустил непростительную оплошность: оставил Людмилу одну, без присмотра. Куда они могли уехать? Варианта было всего два. Первый – квартира Людмилы. Второй – Гремучая лощина. Будь Харон азартным человеком, он бы поставил на второй вариант. Но он был не азартным, а рациональным, потому решил начать с квартиры. Уже садясь за руль катафалка, он набрал Мирону, спросил, знает ли тот, по какому адресу живет Людмила. Наверное, что-то такое было в его голосе, потому что Мирон тут же насторожился и по давней своей привычке принялся задавать вопросы.

– Что-то случилось?

– Пока не знаю. – Харон включил зажигание. – Людмилу видели в моем ресторане в компании женщины, по описанию очень похожей на Астру.

– Черт... Где они сейчас?

– Уехали в неизвестном направлении на машине Людмилы. Продиктуй мне ее адрес, я проверю.

Адрес Мирон продиктовал быстро, наверное, знал его наизусть. Впрочем, ничего удивительного: Людмила жила в пригороде рядом с бабушкой Мирона. Хорошо, не придется кружить по городу, сворачивать с намеченного пути. К Людмиле можно заехать по пути в Гремучий ручей.

– Их там не будет, – сказал Мирон с какой-то обреченной уверенностью. – Эта тварь заманивает Милочку в лощину. Она обаятельная и чертовски умная, Харон. Она предпочитает охотиться на своей территории.

– Людмила не жертва и не дичь. – Харон уже выезжал на дорогу.

– Проблема в том, что Астра так не считает. Давай поступим так! – Судя по голосу, Мирон тоже куда-то стремительно двигался, может быть, даже бежал. – Ты проверь ее дом, а я прогуляюсь по окрестностям. Ты пробовал ей звонить? Если позвонить и как-нибудь осторожно намекнуть...

– Она забыла мобильный в ресторане, – оборвал его Харон. – Будем на связи. Если появятся новости, звони.

– Обязательно. Все будет хорошо, – сказал Мирон, перед тем, как отключиться.

До дома Людмилы Харон доехал в рекордно короткие сроки. Дом стоял темный и закрытый, но Харон все равно его осмотрел. Замок в двери был хлипкий и ненадежный. Надо будет обязательно его сменить, когда Людмила найдется. Этот никуда не годится.

В доме никого не было. Значит, остается второй вариант. Харон погладил набалдашник своей трости и скрежетнул зубами. Только бы успеть до того, как станет совсем поздно. Только бы опередить эту хитрую и коварную первородную тварь, играющую с ними в какую-то странную, лишь ей одной понятную игру.

Зазвонил мобильный – это был Мирон.

– Ну что? – В голосе его была надежда.

– Ничего. Дома ее нет. – Харон снова сел за руль, завел мотор. Катафалк рванул с места с грозным рыком, который явно не понравится местным жителями, но иногда не до церемоний. – Я еду в усадьбу.

– Езжай через Видово, там есть прямая дорога через лошину. Так будет быстрее.

– Где ты? – спросил Харон, выжимая из двигателя возможный максимум.

– Я у запасной калитки.

– У тебя нет ключа.

– Я умею без ключей. Давай, до связи! – В трубке послышались гудки отбоя. Когда того требовали обстоятельства, Мирон становился немногословным и собранным.

Харон выехал сначала на шоссе, а потом на заброшенную дорогу и сразу же включил дальний свет. Никому не станет легче, если в темноте он собьет выбежавшее под колеса катафалка животное. Или человека. Или не-человека. Людмиле не станет легче, если в попытке ей помочь он сам на полной скорости слетит в овраг.

Харон сбавил скорость и переключился на ближний свет, только въехав в дачный поселок. В поселке еще не спали, в окнах горел свет, и чувство неминуемой беды немного отступило, давая Харону вздохнуть полной грудью.

Полной грудью дышалось недолго, ровно до той поры, пока его катафалк не замер рядом с одиноко стоящей на дороге машиной Людмилы. Фары в машине были включены, дверца со стороны водителя открыта, в салоне – никого. Ни живых, ни мертвых...

Глава 7

Мила бежала вперед, не разбирая дороги. Бежала на этот отчаянный, полный муки и ярости крик. Человеческий ли? Она не могла быть в этом уверена. Она даже не была уверена, что двигается в правильном направлении. Особенно, когда крик оборвался и наступила тишина. Убийственная, пугающая тишина.

Мила остановилась, уперлась руками в колени, задышала медленно и глубоко, восстанавливая сбившееся от бега дыхание. Отдышавшись и придя в себя, она достала единственное имеющееся при ней оружие – газовый баллончик. Баллончик она купила на следующий день после нападения упыря, заказала в Интернете. Наверное, это было глупо, наверное, газовый баллончик – такое себе оружие против нежити, но Миле с ним было как-то спокойнее. Будь у нее при себе нож и какие-никакие ботанические познания, она, наверное, соорудила бы себе еще и осиновый кол, а так приходилось довольствоваться тем, что есть. А еще было бы нелишним убедиться, что с Астрой все в порядке.

Именно поэтому Мила сделала то, что советовала сделать Астре в случае форс-мажора – заорала во все горло. Заорала громко и грозно, чтобы ни дачные дровосеки, ни потенциальные маньяки, ни упыри не подумали, что ей страшно. А ей было страшно! До дрожи в коленках, до нервной икоты и истерического смеха.

– Астра! Астра, ты где?! – Кричала она, медленно поворачиваясь вокруг своей оси и внимательно всматриваясь в подступающую со всех сторон темноту. – Эй, есть тут кто?!

Наверное, было бы разумнее не орать, а затаиться. А еще разумнее дать деру, сесть за руль своей машинки и свалить отсюда к чертовой матери! Почему она вообще решила, что кричит человек?! Она была так же не сильна в зоологии, как и в ботанике. Может быть, кричал какой-нибудь зверь или ночная птица? Что она знает о ночных птицах? Только лишь то, что они ночные...

Кричать во второй раз Мила не стала, вняла голосу разума и здравого смысла. Если бы Астра или дачные дровосеки были поблизости, то уж точно отозвались бы. Хотя кто-нибудь из них. Вероятнее всего, Астра уже давно на территории усадьбы, потягивает смузи, покуривает сигаретку. Вероятнее всего, она уже и думать забыла о своей случайной знакомой Миле, у которой не хватило мозга не искать приключений на свою задницу. А дровосеки попрятались в страхе, или тоже уже давно потягивают пивко под шашлычок.

– Дура ты дура, Людмила Васильевна, – сказала Мила злым и одновременно ободряющим шепотом. – Пойдем-ка, детка, домой.

Она уже сделала несколько шагов в том направлении, где рассчитывала найти свою машинку, когда услышала то ли шорох, то ли треск веток.

– Кто здесь? – спросила она все тем же шепотом, но уже испуганным и выбросила вперед руку с зажатым в ней баллончиком.

Треск повторился. Кто-то приближался к ней в темноте. Именно к ней, потому что звук становился все громче, все отчетливее. Наверное, Мила проявила бы, наконец, благоразумие и бросилась бежать, если бы не луна. Луна выкатилась из-за тучи, залила мутным светом лесную дорогу, которая уже и не дорога вовсе, а обыкновенная тропа. Луна высветила то, что пряталось в темноте. Того, кто прятался... Или не прятался, а так же, как и сама Мила, искал защиты и спасения.

Белая тень на черном фоне одичалого парка. Хрупкая фигура, коротко-стриженный затылок, белая куртка, синие штаны. Мила сначала подумала, что это парнишка пятится спиной к тропинке, а потом поняла – не парнишка, а девчонка. Та самая, из вечернего эфира Карпуши. Одна из четверых пропавших. Карпуша ошибся: никто не пропал. А если и пропал, то вот уже и нашелся. Может быть, девчонка заблудилась, отбилась от компании? Что у них в головах

в таком возрасте? Да что угодно, кроме здравого смысла! Может быть перепила, может быть уснула где-нибудь, а отряд не заметил потери бойца? Да мало ли что могло случиться! Главное, что девчонка самая обычная, пусть и бестолковая. Кто ж ходит по лесу задом? Так и шею свернуть недолго.

Мила хотела было девчонку окликнуть, но в самый последний момент передумала. Чего доброго, еще испугается, наделает глупостей. Если так орала именно она, то с головой у нее точно не все в порядке. Хорошо, если алкоголь, но исключать наркоту тоже не стоит. Лучше подождать, пока девице надоест пятиться, и она сама обернется. А там уж можно и улыбнуться, и ручкой приветственно помахать. Так сказать, предвосхитить истерику.

Деввица обернулась. Так странно обернулась, что Мила, еще не до конца понимая, что происходит, вместо того чтобы улыбаться и махать руками, попятилась. Сработали какие-то древние инстинкты. Те, что безусловные. Или новые успели выработаться. Те, что условные. Деввица обернулась одной лишь головой. Только что Мила видела ее стриженный затылок и спину, и бац – спина так и осталась на месте, а вместо затылка уже лицо. Бледное, даже в мутном лунном свете бледное. Глазищи черные. Губы тоже черные. Улыбка широкая. Такая широкая, что видны все зубы: крепенькие, остренькие, упыриные...

– Здрасссье...

Звуки из-за этого острого частокола вырывались по-змеиному шипящие. Говорливая. Прежний упырь и двух слов связать не мог... И гибкая. Развернулась, словно на шарнирах, к лесу задом, к Миле передом. А перед весь в крови. Вот это черное, от ворота до подола – это кровь и есть. Только не понять, чья: девицы или кого другого.

– Привет. – Мила сделала шаг назад, приготовилась бежать. Безоружной против этой твари делать нечего. Если только отвлекать, забалтывать. Может, она уже сытая. Может, ей просто хочется поболтать – по-бабы, так сказать.

– Закурррить не найдется? – Деввица-упырица пока не нападала и не двигалась. Голову она склонила к одному плечу, словно к чему-то прислушиваясь. – Холодно... – Частокол из зубов громко шелкнул. Деввица зябко поежилась.

Миле тоже было холодно, несмотря на жару. А еще любопытно. Не так чтобы сильно – самую малость.

– Броссили меня пррридурки. – Деввица дернулась, и голова, словно мяч, перекатилась от одного плеча к другому. – Бухххнули... усснула... проснулась... – С каждым сказанным словом голова склонялась от плеча к плечу, словно в шее у девицы не осталось ни одного целого позвонка. А может и не осталось... – А никого нет. Курррить, ссука, хочется... Дашшшь?

Не отрывая взгляда от девицы, Мила переложила баллончик в левую руку, правую сунула в карман, нащупала пачку сигарет. Вдруг эта... это существо курить сейчас хочет больше, чем жрать? Вдруг удовлетворится никотином?

– Держи! – Она швырнула пачку под ноги девице. Расчет был на то, что та не словит, наклонится за сигаретами, и Мила выгадает для себя еще пару секунд форы.

Деввица словила. Каким-то ломано-дерганным движением поймала налету, оскалилась, принялась выковыривать сигареты из пачки. Выковыряла, сунула сразу три в рот, принялась жевать.

Дальше Мила смотреть не стала. Хватить с нее! Пока упырица жевала сигареты, она рванула с места в карьер. Может быть еще и получится с форой!

Не получилось... Что-то сильное и ловкое прыгнуло на нее сзади, впилося когтями в плечи, повалило на землю, одним рывком перевернуло на спину. Из угла раззявленной пасти упырицы свисала недожеванная сигарета, застрявшая между острыми зубами.

– Курррить не хошшшу, – прошипела тварь, принюхиваясь. – Жрать хошшшу...

Мила пнула тварь в живот в тот самый момент, когда из пасти ее вывалился черный язык. Пнула изо всех своих подкрепленных лошадиной дозой адреналина сил, отшвырнула

от себя в придорожные кусты, обратно в темноту. А сама с неведомым ранее проворством вскочила на ноги, ухватила рукой за растущую у тропинки хворостину, врезала по ней ногой, перешибая с самурайской легкостью и ловкостью. Осина – не осина, но теперь у нее есть кол, теперь она эту гадину к себе не подпустит. Только бы отдышаться, только бы дух перевести!

Она и отдышалась, и дух перевела, а тварь все не появлялась. В темноте за пределами тропинки и видимости что-то чавкало, хрустело и булькало. Мила ждала, крепко сжимала хворостину, готовилась к нападению, молилась. И даже когда все стихло, не поверила в свою счастливую звезду, так и стояла, не решаясь сдвинуться с места, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, готовясь к самому худшему.

Сколько она так простояла? Может мгновени, а может целую вечность, но, когда в темноте снова послышались легкие шаги, все тело ее затекло и отказывалось воевать.

– Жрать хочешь? – спросила Мила у темноты грозным шепотом. – А зубы обломать не боишься, кровохлебка поганая?

– Людмила, – отозвалась темнота знакомым голосом, а потом исторгла из себя высокую мужскую фигуру с обнаженной шпагой в руке. – Людмила, это я. Не делай, пожалуйста, глупостей!

– Харон... – Тело, которое держалось до последнего, вдруг предательски обмякло, руки задрожали, а ноги подкосились.

Мила непременно свалилась бы на землю, не упала изящной пушинкой, а рухнула бы кулем с мукой. Но Харон не дал, Харон обхватил ее сразу и за плечи, и за талию, прижал к себе так крепко, что рукоять его винтажной шпаги больно уперлась ей в поясницу.

– Ты только не теряй сознание, – сказал Харон почти ласково, а потом уже точно ласково, хоть и торопливо, поцеловал ее в висок холодными, чуть шершавыми губами. – Цела? – спросил, прижимая ее к себе еще сильнее, хотя у нее и так уж от счастья и гипоксии в глазах темно.

– Цела... – сказала она, цепляясь руками за его пиджак. Словно бы в этой дополнительно поддержке была хоть какая-то необходимость, словно бы он не держал ее крепко-крепко. – А где конь? – спросила, прижимаясь щекой к его груди, прислушиваясь к редкому, подозрительно редкому биению его сердца. Надо будет затащить его на кардиограмму, когда все закончится.

– Какой конь? – В голосе Харона больше не было того волнения, которое почудилось ей в самые первые мгновения. В голосе Харона было безмерное облегчение пополам с удивлением.

– Белый конь. Ты же рыцарь на белом коне в сияющих доспехах. – Она хотела было добавить «мой рыцарь», но передумала. Получалось слишком уж пафосно и витиевато.

– У меня нет коня. – Харон ослабил хватку. Теперь он, кажется, всматривался в темноту поверх ее головы. – И доспехов.

– Шпага есть, мне этого достаточно. – Над чувством юмора им еще придется поработать, но это потом, после кардиограммы, а сейчас нужно убираться. – Если бы не ты, эта тварь порвала бы меня в клочья.

Он отстранялся, а она наоборот прижималась. Надо же как-то закреплять полученный результат. Куй железо, пока горячо!

– Какая тварь? – спросил Харон, и Мила перестала прижиматься, наоборот, вывернулась из его объятий.

– Значит, не ты. Тогда она до сих пор где-то поблизости, – сказала шепотом, но уже не испуганным. Рядом с Хароном она как-то забывала бояться.

– Астра? – снова спросил он.

– Почему Астра? – Мила посмотрела на него снизу вверх. – Откуда ты вообще знаешь про Астру?

– Людмила, кто на тебя напал? – спросил он, вместо того чтобы отвечать на ее вопросы.

– Упырица... Девушка-туристка... была когда-то девушкой и туристкой... Туристический отряд, четыре человек: два парня и две девушки. Ты слушаешь наши местные новости? Карпушу Черного когда-нибудь слушал?

Харон молча кивнул. Надо же, такой серьезный человек и слушает такую ерунду! Хотя, что ему еще слушать по ночам?

– Они пропали, эти туристы, не вышли на связь с родственниками два дня назад. Ну вот, одна нашлась и чуть меня не покусала...

– Тише, – вдруг велел Харон и больно сжал ее руку. – Кто-то идет.

Тот, кто шел, не особо тайлся. Шума от него было, как от гризли. Упыри так не ходят. Если только в Гремучей лощине не завелся еще и гризли.

– Все хорошо, – сказал Харон, опуская руку со шпагой, но не выпуская Милиной руки. – Это Мирон.

Никакого Мирона она не видела, но Харону верила безоговорочно. Мирон всяко лучше, чем упырь!

Глава 8

Оставлять Леру без присмотра было страшно, но Цербер не проявлял признаков беспокойства. Астра, первородная тварь, обломав об Мирона зубы, похоже, решила заняться Милочкой. А спасать следует того, кому сейчас нужнее. Милочке, получается, нужнее. Опять же, если Астра рядом с Милочкой, то Лере ничего не угрожает.

Мирон посмотрел на лежащего на земле Цербера, спросил:

– Слышал, что сказал Харон?

Цербер утвердительно мигнул.

– Тогда ты на хозяйстве, а я побежал!

Дождаться ответа Мирон не стал, как обещал, так и сделал – побежал. С потайной калиткой он справился в два счета, а дальше рванул по периметру вдоль забора, потом через невысокий подлесок к дороге, на которой Харон оставлял свой катафалк. Что делать дальше, как искать Милочку и, уж тем более, как ее спасти из лап Астры, он пока не знал.

Лощина жила своей особой, невидимой постороннему взгляду ночной жизнью. В темноте кто-то пощелкивал, попискивал и покрикивал, но звуки эти были нестрашные. Стараясь идти как можно быстрее, но при этом не напороться в темноте на сук, не зацепиться за корень, Мирон сто раз пожалел, что не озаботился проверить уровень заряда в мобильном. Заряда пока хватало на звонки, но его точно не хватит на фонарик. Поэтому приходилось идти почти на ощупь, убыстряя шаг только тогда, когда из-за туч выглядывала луна. Выглядывала она не так часто, как хотелось бы. Не было для нее в лощине ничего нового и интересного.

Интересное началось, когда Мирон уже стал подозревать, что сбился с пути и вообще, наверное, кружит на месте. В темноте послышался крик такой отчаянный и такой истошный, что хрен поймешь, кто кричит: человек или животное. Той участи, которая постигла кричавшего, Мирон не пожелал бы ни человеку, ни животному, ни даже врагу. Кричать так можно только от ужаса или от нестерпимой боли, что одинаково плохо.

Думать, что кричать могла Милочка, Мирон не стал, вместо этого он подумал, что у него наконец появился ориентир. Он неся по лощине во весь опор, больше не переживая ни о ветках, ни о корнях. В голове крутилась лишь одна единственная мысль: «Только бы успеть!»

Успел! Хотя и не в первых рядах. Вылетел на лесную дорожку, на которой, романтично подсвеченные луной, стояли в обнимку Харон и Милочка. Оба живые, оба невредимые! От сердца отлегло. Сначала отлегло, а потом накатило. Все-таки, бегать Мирон был не мастак. Теперь сердце трепыхалось где-то в горле, мешало дышать и говорить.

– Нашлась пропажа... – прохрипел он радостно и тут же спросил: – Все в порядке?

– Нормально все! – отозвалась Милочка. В объятьях Харона чувствовала она себя вполне уверенно и комфортно. Харон же стоял с каменным, ничего не выражающим лицом. Левой рукой он прижимал к себе Милочку, а правой сжимал шпагу.

– Людмила Васильевна, это вы так орали? – спросил Мирон вежливо.

– Не я. – Милочка не обиделась. Кажется, она даже была рада его появлению. Не так рада, как Харону, но все же. – Может быть это была она?

– Астра? – спросил Мирон с сомнением.

– Да что вы все про Астру?! – Милочка посмотрела сначала на Харона, потом на него.

– Она не в курсе? – Мирон тоже посмотрел на Харона. Тот в ответ едва заметно пожал плечами.

– В курсе чего? – спросила Милочка требовательно.

– В курсе того, что Астра и есть наша первородная тварь, – сказал Мирон.

– Ты была права – это женщина, – добавил Харон.

– Астра – вампирша? – Если что-то и могло выбить Милочку из колеи, то вот такая новость. – С чего вы взяли?!

– С того, что она едва не загрызла меня вчера в Гремучем ручье. – Мирон, наконец, отдышался и даже начал соображать более-менее быстро. – Но я отбилсь, – добавил он со скромной гордостью. – Всадил нож ей в живот. Вы, случайно, не видели у нее дырки в животе, Людмила Васильевна?

– Не было у нее никакой дырки. Что ты несешь, Мироша?.. Вы меня разыгрываете, да?

– Я не несу, – сказал Мирон.

– Мы не разыгрываем, – поддакнул Харон, а потом добавил: – Все так и есть, мы нашли того... ту, кто все это устроил.

– И это, по-вашему, Астра?

– А давайте мы переместимся из эпицентра в какое-нибудь более безопасное место! – предложил Мирон. – На самом деле он не думал, что в округе осталось хоть одно по-настоящему безопасное место, но на этой лесной тропинке в окружении вековых деревьев было как-то особенно неуютно. – Кто-то ведь кричал. Если это были не вы и уж точно не Астра...

– Это была та девчонка-туристка. – Милочка не смотрела на Мирона, она смотрела только на Харона. Ну еще бы!

– Я что-то пропустил? – Мирон тоже посмотрел на Харона.

– По дороге поговорим, – сказал Харон и тут же велел: – Уходим, пока они не сбились в стаю.

– У них уже и стая есть? – спросил Мирон и покрепче сжал осиновый кол. Милочка тоже подняла с земли какую-то палку. – Это не осина, – сказал он тоном эксперта.

– На безрыбье... – Милочка пожала плечами, а потом скомандовала: – Мальчики, за мной!

Шли быстро, почти бежали. Обсудить что-нибудь в такой обстановке было невозможно, поэтому военный совет держали, уже оказавшись возле брошенных у поваленной березы машин. Береза сразу же показалась Мирону подозрительной. Он глянул на Харона, тот понимающе кивнул. Милочка могла сколько угодно рассказывать про дачных лесорубов-браконьеров, но ситуация сильно смахивала на диверсию. В лесорубов они с Хароном не поверили. Впрочем, как и Милочка не поверила в то, что Астра первородная тварь.

– Я видела, как она ела! – сказала Милочка, когда Мирон закончил свой рассказ. – В ресторане!

– В ресторане она не ела, а пила, – поправил ее Харон.

Милочка посмотрела на него полным подозрения взглядом.

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказал управляющий.

– А с чего бы управляющему докладывать тебе о том, что происходит в ресторане? – Милочка сощурилась, а потом ткнула указательным пальцем ему в грудь: – Это твой ресторан, да?

Харон смущенно пожал плечами, как будто в том, что ему принадлежит не только контора, но еще и лучший в городе ресторан, было что-то неприличное.

– Она не ела, – повторил Харон с мрачной решимостью. – Она только пила. Наверное, они могут питаться и человеческой пищей, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

– Она пила что-то красное, когда мы с ней встретились в первый раз, – сказала Милочка задумчиво. – Сказала, что это вишневый ликер.

– Но было похоже на кровь? – уточнил Мирон.

– Да не знаю я, на что это было похоже! Красное и красное, я не присматривалась. А вообще, что-то не складывается. Если Астра вампир...

– Астра вампир! – сказали они с Хароном в один голос.

– Если Астра вампир, – упрямо повторила Милочка, – то почему она не закусила мной сразу? Поверьте, у нее для этого была масса возможностей.

– Может быть, вы не вкусная? – предположил Мирон и тут же пожалел о сказанном – Милочка одарила его недобрым взглядом. – Или у вас группа крови не та? – попытался он исправить положение. – Какая у вас группа крови, Людмила Васильевна?

– Четвертая, резус отрицательный. Считаю, эксклюзив! – Милочка зловеще усмехнулась.

– Тогда, может быть, она была не голодна? – Харон всматривался в темноту, хмурился.

– Я пырнул ее ножом. Ей нужно было восстановить силы. – Мирон тоже всматривался и тоже хмурился.

– Могла восстановиться за счет кого-то другого. – Теперь Милочка хотя бы не отрицала тот факт, что Астра упырь. – А со мной ей захотелось просто пообщаться, по-женски.

– О чем? – тут же спросил Харон.

Милочка задумалась, потом тоже нахмурилась.

– Не о чем, а о ком, – сказала мрачно.

– Все ясно! – Мирон с досадой покачал головой.

– Что тебе ясно?

– Болтун – находка для шпиона, – сказал он и снова пожалел о сказанном. Милочка не разозлилась, Милочка вдруг поникла. Похоже, совершенно нечаянно он ударил по самому больному.

– Астра расспрашивала о тебе. О твоём бизнесе, о масках... – Милочка виновато посмотрела на Харона, а потом перевела взгляд на Мирона: – А про тебя я ей сама рассказала. Сказала, что ты идиот!

На «идиота» Мирон не обиделся, его сейчас больше интересовало другое:

– А про Леру вы ей что-нибудь рассказывали?

– Нет. – Милочка помотала головой, а потом сокрушенно сказала: – Вроде ж нормальная с виду баба! Писательница! Кто бы мог подумать, что она вот такая... Это получается, она ко мне в Гремучем ручье не случайно подседала...

– Сто пудов – не случайно! Вынюхивала гадина первородная, втиралась в доверие! – Мирон с сочувствием посмотрел на Милочку, а потом добавил: – Да вы не убивайтесь так, Людмила Васильевна, меня она тоже того...

– Чего – того? – спросила Милочка.

– Пыталась загипнотизировать.

– Меня никто не гипнотизировал.

– Откуда такая уверенность? Могла дать установку, чтобы вы все забыли.

– Никто мне никаких установок не давал и не гипнотизировал! Это я, дура такая, сама ей все рассказала!

– Людмила, – Харон осторожно положил свою лапищу ей на плечо, – ты не рассказала ей ничего такого, чего нельзя было узнать у посторонних людей. Не нужно так расстраиваться. Меня волнует другое: ты говорила про пропавших туристов, про то, что одна из тех четверых попыталась на тебя напасть. Где остальные?

– Вот, значит, вы про какую стаю! – Мирон сунул осиновый кол под мышку, взъерошил волосы. – Наша первородная тварь Астрочка продолжает плодить упырей.

– Это весьма вероятно. – Харон кивнул.

– И это означает, что скоро Гремучую лощину заполнят толпы восставших мертвецов, а мы узрим апокалипсис районного масштаба, – продолжил его мысль Мирон.

– А почему апокалипсис уже не начался? – вдруг спросила Милочка. – Если она плодит упырей направо и налево, почему до сих пор никто кроме нас с ними не столкнулся?

– Первый пришел в контору по нашему следу, – сказал Харон. – А на эту туристку ты нарвалась случайно.

– Добропорядочные обыватели не стали бы ночью шляться по Гремучей лощине. А эти твари, похоже, выходят на охоту исключительно после захода солнца. – Поддержал товарища Мирон.

– Туристы шлялись. – Милочка думала о чем-то своем.

– За что и поплатились.

– Поплатились и обрелись. – Милочка обвела Мирона с Хароном решительным взглядом и сказала: – Их нужно найти!

– Упырей? – спросил Харон деловито.

– Сегодня ночью? – спросил Мирон негодуя. – Извините, но я не чувствую в себе задатков Ван Хельсинга! Мне бы с Лерой разобраться! – Поверх Милочкиной макушки он посмотрел на Харона, сказал: – Ее нужно забирать отсюда сегодня же! Эта гадина не успокоится!

Харон молча кивнул. Теперь, после того, как Милочка лишь чудом осталась жива, у него закончились аргументы.

– Я поговорю со своими юристами, – сказал он. – Возможно, получится оформить над ней опеку. Тебе, – он с сомнением посмотрел на Мирона, – они опеку не доверят. Буду оформлять на себя.

– Спасибо! – сказал Мирон. – Значит, ты пока оформляй, а я буду ее сторожить.

Беспокойство снова накрыло его с головой. Астра может быть где угодно, а Лера в Гремучем ручье одна. Из Семеновны защитница та еще. Остается надежда только на Цербера.

– С туристами тоже нужно что-то делать, – не унималась Милочка.

– Людмила Васильевна, давайте решать проблемы по мере их поступления. Сначала Лера, потом туристы. И вообще, мне пора в обратный путь. – Мирон взвесил в руке осиновый кол. Внезапно тот показался ему слишком легким и слишком ненадежным. А дорога предстояла темная и полная скрытых опасностей.

– Мы тебя отвезем, – сказала Милочка решительно и даже ухватила Мирона за рукав, чтобы он точно не смог сбежать. – Нечего шляться по лощине ночью! Хватит с нас сегодня приключений.

– А как я попаду в усадьбу? – спросил Мирон. Идея Милочки нравилась ему все больше и больше.

– Через центральный вход попадешь. У тебя же есть пропуск.

– Это будет выглядеть странно. Не находите?

– Ты видел тех амбалов на воротах? Странно, что их вообще взяли на работу. Они не думают, Мироша – им нечем думать! Не переживай!

– А можно как-нибудь без Мироши? – спросил он строго.

– Можно! Если будешь послушным мальчиком! – Милочка больше не собиралась пререкаться, она уже направилась к своей машине. – Поедешь со мной! – скомандовала она, уже садясь за руль.

Мирон обменялся с Хароном многозначительными взглядами и уселся в машину на пассажирское сидение. Милочка терпеливо ждала, пока Харон сдаст назад, сманеврирует на своем неповоротливом катафалке, а потом втопила педаль газа в пол.

Всю дорогу до Гремучего ручья ехали молча. Милочка о чем-то сосредоточенно думала, а Мирон прикидывал, как устроить Леру с максимальным комфортом. Наверное, придется переманивать Семеновну.

Милочка заговорила уже на подъезде к усадьбе:

– Ты там аккуратнее. – В голосе ее было обычное человеческое волнение.

– У меня есть вот это. – Мирон посмотрел на лежащий на коленях осиновый кол. Как-нибудь отобьюсь.

Она молча кивнула, потом сказала:

– Высажу тебя на развилке, это в нескольких минутах ходьбы от ворот, дальше сам. Если вдруг станут расспрашивать, скажешь, что ездил в город по делам. Подвозила до города тебя я. Когда я вечером выезжала из усадьбы, эти дуболомы машину не досматривали. Они даже не смотрели в мою сторону. Так что ври смело! Ясно тебе?

Мирон благодарно кивнул.

– А обратно вернулся с оказией – подвезли до Видово, а дальше ножками. Проверять никто не будет.

– Ясно тебе?

– Ясно. – Он снова кивнул, а потом спросил: – Как вы себя чувствуете?

– Как? – Милочка усмехнулась. – Зашибись я себя чувствую! Как истребительница вампиров!

И ведь не преувеличивала! Похоже, весь этот упыриный трэш ей очень даже нравился. Вот кто истинный наследник Ван Хельсинга!

Глава 9

Подъезжать к усадьбе Людмила не стала, высадила Мирона неподалеку, помахала рукой, а потом, кажется, украдкой перекрестила в спину. Харон наблюдал за этим со стороны, не глуша мотор и не выходя из катафалка. Он подождал, когда Людмила вернется за руль и лихо развернется на пустынной дороге. Когда ее машина поравнялась с катафалком, Харон опустил стекло со своей стороны, посмотрел вопросительно. Людмила тоже опустила и тоже посмотрела. Во взгляде ее Харону почудился какой-то отчаянный азарт. Это плохо! Азарт еще никого не доводил до добра. Во всем должен быть план и здравый расчет.

- Что дальше? – спросила Людмила.
- Едем в ресторан, – предложил он.
- Я не голодна, – она едва заметно поморщилась.
- Заберем твой мобильный.
- Разумно. – В голосе ее было разочарование. Или ему просто померещилось?
- Езжай вперед, а я за тобой.
- Будешь прикрывать тылы?
- Буду за тобой присматривать.

Людмила больше ничего не сказала, молча подняла стекло, тронула машину с места.

Водила она лихо. На взгляд Харона, чересчур лихо. Наверное, стоит ей об этом сказать, как-то образумить. Вот только сначала ее придется догнать.

Гнаться за Людмилой пришлось до самого ресторана. Харону показалось, что она нарочно не дает себя обогнать – назло! Она за что-то на него обиделась. Он пока не мог понять, что сделал не так, но обиду ее чувствовал отчетливо. Почти так же отчетливо, как свою недавнюю тревогу. Рядом с Людмилой все его чувства делались острее и ярче. Некоторые из них даже причиняли неудобства. Харон к такому не привык.

В ресторане еще было полно посетителей, из распахнутых по случаю ночной прохлады окон лились звуки джазовой музыки. Сразу после открытия заведения клиенты требовали шансон и попсу, но Харон был непреклонен – только классика и джаз. А кому хочется шансона, тот может отправляться в ближайшую шашлычную.

Людмила выбралась из машины так быстро, что Харон не успел ей помочь.

– Что дальше? – задала она все тот же вопрос, на который он, как ни старался, все никак не мог дать правильный ответ.

– Давай выпьем. – Предложил он, жестом подзывая официанта.

– Мы за рулем. – Людмила посмотрела на него с изумлением, неужели думала, что он сядет пьяным за руль.

– Пить будешь только ты, – сказал Харон, осторожно беря ее под локоток и увлекая к дальнему столику на веранде. – Тебе нужно снять стресс.

– А ты? – Людмила не то чтобы упиралась, но шла с явной неохотой.

– А я буду минералку, – сказал Харон, помогая ей сесть за стол.

Вслед за официантом прибежал Семен Михайлович с телефоном Людмилы в одной руке и меню в другой. Харон отдал телефон Людмиле, сам сделал заказ. О том, что стоило бы поинтересоваться у дамы, чего она хочет, он подумал лишь тогда, когда Семен Михайлович удалился.

– Надеюсь, ты доверяешь моему вкусу? – спросил он.

– Я доверяю тебе, – сказала Людмила.

Ответ получился какой-то неоднозначный. Харон задумался. С доверием к миру у него были определенные трудности. Сам он давно привык обходиться без доверия и прочих соци-

альных обязательств и никогда не требовал ничего подобного от других. С Людмилой все было несколько иначе. Харон еще не решил, плохо это или хорошо.

- Я купил тебе туфли, – сказал он первое, что пришло в голову.
- Какие туфли? – Людмила подняла на него удивленный взгляд.
- Взамен испорченных. Красивые. Надеюсь, ты доверяешь...
- Я доверяю, – не дала она ему договорить, – главное, чтобы размер подошел.
- Подойдет, – сказал Харон.
- Откуда такая уверенность?
- У меня хороший глазомер, а у тебя идеальная форма ступней.
- Идеальная? – впервые за все это время Людмила улыбнулась. – Это комплимент?
- Это констатация факта.

Вернулся Семен Михайлович с подносом в руках, решил, наверное, лично обслужить дорогих гостей. Работал он споро и четко, за что Харон его и ценил. Ровно через минуту они с Людмилой снова остались наедине.

– Оказывается, я голодная, – сказала Людмила. – Думала, после сегодняшнего на еду вообще смотреть не смогу. Крепкие у меня нервы, Харон. Что скажешь?

– Очень крепкие, – подтвердил он, наливая Людмиле вино. – Ты поразительно смелая женщина.

– Это констатация факта? – спросила она.

– Это комплимент, – сказал он.

Никогда и никому, ни одной женщине он не говорил комплементов. Он даже не знал, как их правильно говорить. С Людмилой получилось как-то само собой.

Какое-то время ели молча. Людмила углубилась в свои мысли. Харон не хотел ей мешать. Она немного расслабилась лишь на третьем бокале вина, взгляд ее сделался мягче и, кажется, игривее. Наверное, это было хорошо. Плохо было другое: расслабившись, Людмила захотела танцевать. Вот прямо тут – на уже почти опустевшей веранде, вот прямо под эту легкомысленную джазовую музыку, которую приятно слушать, но под которую невозможно двигаться.

Харон задумчиво посмотрел на Людмилу, не говоря ни слова, встал из-за стола.

– Ты куда? – спросила она чуть обиженно.

– Я сейчас, – сказал он. – Скоро вернусь.

Весь музыкальный репертуар ресторана он знал наизусть, он сам его подбирал и одобрял, поэтому нужную композицию искал недолго. Это было «Зимнее танго» Оскара Строка, одновременно прохладное и страстное, лед и пламя, как сказал бы Мирон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.